

Вячеслав
Киман

ДЖЕК

16+

Вячеслав Киман

Джек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48712989

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08446-9

Аннотация

Люди часто задумываются о том, что жизненный путь выдан им по ошибке. Но когда судьба делает резкий поворот, становится понятным, что они заблуждались. Не всем дано испытать радость от капризов судьбы, кто-то несёт тяжёлую ношу в сердце всю жизнь, увидев в детстве смерть отца, а кому-то страшно признаться в любви. Но когда жизнь человека висит на волоске и на выручку приходит зверь, то безропотно признаёшь, что судьба – это самая мощная стихия, которая властна над человеком.

Этот день немного отличался от других похожих дней, но не только потому, что отец взглянул с утра на сына немного по-другому, как-то свысока, прищутив правый глаз. Пробивающаяся седина, усы и крепкие натруженные руки не давали повода усомниться в его величии, силе и справедливости, ведь для Витьки он был именно великим человеком, будто богатырём, который целыми днями бьёт неприятеля, а вечером приходит усталый, но добрый. Мама Марина с сыном Витей привыкли к поздним возвращениям главы семьи, ведь во время посевной или уборочной страды механизаторы не сидят без дела. Сейчас как раз такое время, когда каждая упущенная минута стоит будущего урожая. Но даже в такое беспокойное время Павлу Сергеевичу Савушкину удалось найти один день, чтобы побыть с семьёй и привести в порядок хозяйство.

Витя вышел на крылечко в трусах и майке, посмотрел на яркое, почти белое солнце и громко чихнул. Это не осталось незамеченным, мама уже поняла, что несносный мальчишка снова вышел раздетым, а ведь конец мая не всегда заслуживает доверие.

– Витька, ну-ка быстро оденься! Иш-ты какой, жаркий, не май месяц, воскликнула она, улыбаясь и выглядывая из-за занавески летней кухни. Это была её любимая фраза, даже когда на улице цвёл май.

– Эй, засоня! – крикнул отец, свесив разноску с инструментами с чердачного окна, – что собираешься делать сегодня? Снова с Вовкой на ручей побежишь?

Витя свесил голову и уставился на тапочек, балансировавший на одном лишь пальце ноги, интересуясь – сколько раз тот качнётся, пока не упадёт. Он знал, что отец шутит и на этот раз, впрочем, даже если сказать ему, что прогулка на ручей сегодня планировалась, то получит лишь улыбку из-под мохнатых усов. Только почему-то он смутился и тихо буркнул под нос, что «не знает».

– Ты ещё тут? А ну-ка умывайся и зови папу завтракать, юный природовед, – немного строже напомнила о себе мама. Витя надел тапочек, который так и не свалился, поглубже и юркнул в дом.

Павел слез с чердака, где поправлял дверцу, и не смог удержаться от смеха. Лестница словно выросла в землю под его весом, её ножки ушли вглубь почти на полметра.

– Ну что, бедолага. Выдержала? Потерпи, скоро я тебя почию, и до тебя руки дойдут. Марти! Маартиии! – не мог он пройти мимо любимой дворняги, не взяв её за морду, которая полностью скрылась в огромных ладонях хозяина.

Старый пёс был даже старше Витьки на целый год, ему было почти одиннадцать лет. Чёрный с проседью дворовый мохнатый леший чем-то был похож на Павла, но скорее всего, только характером. Марти смотрел в глаза хозяину, просунув мордашку между его больших пальцев, и повизгивал

от счастья.

– Ну что, чертяга ты седой, соскучился? Как насчёт прогулки? Одобряешь? Ну ладно, ладно, подумаем! – смеясь шурился Павел, а пёс, почуяв ослабевший захват своей морды, рванул вниз, а потом резко вверх. Через секунду он уже лизал лицо хозяина и вытаптывал ему колени лапами.

– Уйди, бешеный, да что с тобой? Смеялся он и вытирал рукавом щёки и лоб.

-2-

Мама устроила целый пир, это был особенный день, ведь всё семейство было в сборе. Даже пироги с капустой, папины любимые, красовались в середине стола. Витя немного стеснялся вести себя, как он обычно делает за столом. Он не раскачивал ногой и даже не пролил молочный суп. Ел аккуратно и только изредка поглядывал из-под ложки на отца, который делал серьёзный вид, хотя усы выдавали его улыбку.

– Я тут узнал, что ты без троек в этом году? – решил немного отвлечь сына Павел.

– Угу, только читать много задали на каникулы, – промолвил с жалостью в голосе Витя, бросив украдкой взгляд на маму. Он знал, что от неё поблажек можно не ждать, тем более, все книжки уже давно лежали на его столе в комнате.

Марина, работая в библиотеке, не могла позволить ребёнку остаться неучём. Она часто читала сыну вслух интерес-

ные книги перед сном, Витя слушал этот нежный певучий мамин голос и не мог поверить в своё счастье. Только у него была такая красивая мама, больше такой нет ни у кого. В полумраке комнаты с распущенными тёмными волосами до пояса она была похожа на добрую волшебницу, читающую заклинания. Витя часто даже не вникал в содержание книги, он замороженно смотрел на нежное родное лицо и просто был счастлив.

Марина была красавицей, в посёлке многие завидовали ей: «в 34 года так хорошо сохраниться, да мужа такого отхватить!». Она немного стеснялась такого недоброго внимания людей, поэтому старалась реже мелькать перед односельчанами.

Но зависть соседей её волновала намного меньше, чем другая беда. Этой бедой был местный участковый Федор Дементьев, который просто преследовал бедную женщину. Он попадался ей всегда и везде на пути, он всегда шёл навстречу или параллельно ей. Подозрительным становилось то, что даже поход Марины в магазин заканчивался каким-то фарсом со стороны стража закона. Ему нужно было срочно устроить осмотр здания и закрыть «эту криминальную лавочку» до выяснения. Иногда он мог устроить разборки со шпаной прямо под окнами библиотеки. Он хватал шкодника за ухо, поворачивал его лицом к библиотечным окнам и отчитывал, как будто Марина была заказчиком подобных представлений.

Сорванцы не были виновны ни в чём, она это поняла давно. Этот подлец изводил её вот уже несколько лет подобным образом, но в последнее время от него просто не было спасения. Фёдор не мог смириться с тем, что двенадцать лет назад получил отпор от Марины, да ещё при таких обстоятельствах, которые обычно не забываются. Когда он начал проявлять к ней знаки внимания, та выбрала Павла. Это так задело самолюбие неудавшегося ухажёра, что тот чуть не пырнул Павла ножом, спасла случайность – он вовремя обернулся и скрутил Фёдора, после чего привязал его к столбу. За это Павлу пришлось отсидеть пятнадцать суток, но про нож он промолчал, стыдно, что ли было ему оправдываться. Зато Фёдор изливал свою ненависть потоками, обещая расплатиться с обидчиком. Он и в милицию пошел работать только ради того, чтобы развязать себе руки и получить, в случае чего, прикрытие за свои подлые деяния. А они преобладали в его списке дел над добрыми и справедливыми. «Живодёр!» – такое клеймо он заработал себе с малых лет. Он не мог спокойно пройти мимо кошки или собаки, чтобы не дать им пинка, он и свиней держал только для того, чтобы тренировать своё хладнокровие, издеваясь над ними.

Его сынишка, такой же рыжий и конопатый, как папаша, глядя на геройство «живодёра», становился подобным ему, безжалостным. Даже птицы старались избегать огорода Дементьевых, их весёлое щебетание раздавалось где угодно, только не там.

Ударом ноги в это воскресное майское утро открыл он свинарник, скорчив круглое красное лицо, напоминающее свиное рыло.

– Что столпились, пшли прочь!

Бедные животные отбежали в дальний угол, уткнули пятки в одну точку, как будто шепчась друг с другом, но при этом боясь даже хрюкнуть. Фёдор вылил ведро помоев в корыто и глянул туда, где прятались четыре поросёнка, лелеющие надежду на пощаду хотя бы сегодня. Он облизнул свои пухлые губы, жёлто-зелёные глаза немного заволокло туманом, так велико было его желание пройти эти несколько шагов по вонючей жиже к желанной цели. Живые боксёрские груши, безмолвные жертвы, в каждой из которых он видел Павла, бил его ногами, ломал рёбра и черенки лопат.

Но сегодня у него другие планы, в них не входила утренняя расправа в свинарнике. Стенька – подрастающая копия папаши, наконец-то добился своего – сегодня утром они пойдут на охоту, и мальчишка сам попробует стрелять из настоящего ружья! Спал ли он этой ночью, сказать сложно, но только с самого утра он следил за всеми передвижениями отца. Вот он встал, наконец-то! Вот пошел в сени, гремит ведром. Сейчас пойдёт в свинарник, задать свиньям. Ага, выходит, как бы спросить у него про обещание и не получить удар по

щеке? Лучше подождать немного.

Матери у Стеньки не было, она умерла несколько лет назад при странных обстоятельствах. Её труп выловили в местном пруду недалеко от посёлка. Вскрытие показало, что женщина захлебнулась, вероятно, поскользнувшись на скользком глинистом берегу и упав в воду. Никакого криминала не обнаружили, дело не заводилось, просто констатировали смерть от несчастного случая и выдали тело на руки в районной больнице.

У милиции вопросов не было, но односельчане, которые знали покойную, догадывались, что эта смерть произошла не случайно. Полина Дементьева никогда бы не пошла к тому пруду просто так. Она дальше своей калитки никогда не ходила, так как постоянные гематомы на носу и под глазами не позволяли этого делать. Муж не давал ей спокойной жизни, он чесал свои кулаки по любому поводу. За месяц до гибели Полины он сломал ей ребро только за то, что она не заметила его прихода и столкнулась с ним в тёмных сенях. Наказание последовало незамедлительно, она отлетела в дальний угол и зажалась в маленький комочек, не думая о нестерпимой жгучей боли в груди. Эта боль её беспокоила меньше, чем та, которая обжигала её сердце. Даже плакать она научилась бесшумно, принимая свою участь, как должное, лёжа на мокрой подушке, прижатая толстой ручищей спящего борова. Она не смотрела на эту руку, поросшую рыжими волосами, она просто не могла больше видеть это орудие мучений.

Часто Полина даже не могла встать в туалет, так и терпела до самого утра, пока Фёдор не начнёт собираться в участок. Даже пожаловаться на судьбу она не могла никому. Подруг у неё не было, муж запретил ей общаться с людьми, а мать мужа – Зоя Георгиевна, не горела охотой выслушивать жалобы невестки. Да ей и самой частенько приходилось сидеть за занавеской тише воды. Сын не трогал мать, но поток ярости выливался и на неё.

– Стенька! Долго я тебя буду ждать? – рычал Фёдор, шаря по ящикам комода, где рассыпями лежали зелёные и красные охотничьи патроны. Запустив в них свою волосатую лапу, он принялся загребать патроны и высыпать их обратно в ящик, как будто алчный кладоискатель, попавший в чужую пещеру с золотом. Взяв две пригоршни, он рассовал патроны по карманам, подошёл к ведру с водой, топая кирзовыми сапогами по скрипучему полу, и бросил злобный взгляд на мать. Та сидела за полуоткрытой занавеской и старалась быть невидимой.

– Сынок, когда вас ждать? К обеду то будете, небось?

Фёдор сжал челюсти и заиграл желваками, но сдержался, бросив через плечо:

– Сидишь и сиди! Будем.

-4-

– Ну что, Витька? – произнёс с глубоким вздохом Павел,

вложив в этот вздох всё своё мастерство создавать прелюдию к скорому сюрпризу. Он стоял в дверном проёме спиной к солнцу и был похож на огненного великана. Витя надел очки и улыбнулся отцу. Он знал, что сейчас папа скажет свою коронную фразу, и ждать пришлось недолго.

– Что, друг ты мой сердешный, раз ты такой герой и не расстроил мать оценками, собирайся, – он затушил папиросу и огляделся, как будто в поиске чего-то, но подумав немного, махнул рукой. Так и оставшись, как был, в коричневой клетчатой рубашке с закатанными рукавами, утыканной опилками и в вытертых, почти белых джинсах, он вразвалку пошел в сарай и скрылся в тёмной щели между его дверками.

– Витька, держи двери, так оно быстрее будет, – послышался голос оттуда, – что я тебе обещал, напомни-ка мне.

Витя схватился за створку дверей сарая и распахнул её шире, чтобы выпустить железного красавца небесного цвета – папин Юпитер с коляской.

– Бинокль! Бинокль!

Он смотрел на мотоцикл с затаённым восторгом, а в горле что-то сжалось. Даже в ушах немного зашумело, когда он понял, что папа выкатывает мотоцикл ради него – Витьки!

– Так, молодой человек, поедешь сзади, одевай куртку и тёплые штаны.

– Пап, а в люльке я не поеду? – удивлённо спросил Витя.

– Нет, в люльке поедет наш мохнатый друг, – улыбаясь под усами сказал Павел, отвязывая Марти. Собака радостно

вила хвостом и преданно смотрела на хозяина, пока тот не показал пальцем на люльку. Пёс не заставил себя упрашивать, прыгнул внутрь и уселся на сиденье, тут же высунул красный язык и свесил его между клыками, как будто только что совершил забег.

Очень часто мальчишки чувствуют себя взрослыми, особенно когда им по десять лет. Они собираются небольшими кучками на улице и хвастаются друг перед другом своими подвигами или достижениями. Один помогал отцу отремонтировать крышу и даже не побоялся высоты, а другой заблудился в лесу и сам нашел дорогу. Витька тоже любил похвастаться, доказать, что он уже взрослый. Когда Юпитер с приятным рычанием ехал по проулку, а потом по главной улице посёлка, было очень обидно, что никто не заметил его, такого взрослого, которому можно ехать на заднем сиденье. Но на смену разочарованию незамедлительно вернулся восторг. Мотоцикл проехал последние дома на окраине, повернул вправо и стал набирать скорость. Вот оно, это ощущение превосходства над дорогой под ними, чёрным вспаханным полем, уменьшающимися домиками посёлка. Даже тёмно-синий лес за спиной не мог бы тревожить его воображение так, как прохладный влажный воздух, летящий в лицо. Спрятавшись за спиной отца, Витя закрыл глаза и крепко обнял его, полностью доверившись. Улыбка до ушей выдавала его, говоря, что всё-таки он пока ещё ребенок.

Фёдор закинул ружьё на плечо, как бревно, держа его за дуло, небрежно и развязно. Могло показаться, что он таскает его с утра до вечера, и оно так ему надоело, как молоток кузнецу. В трёх шагах сзади плёлся Стенька, цепляя носами резиновых сапог каждый камень. Ему сложно было понять действия угрюмого отца, зачем было делать такой крюк по посёлку, если проще пройти двести метров по проулку, повернуть налево и никуда не сворачивать до самого леса. Однако планы Фёдора выростали в его пухлой голове спонтанно, иногда они не поддавались простому логическому объяснению.

Будучи участковым, он мог бродить по проулкам часами, заглядывать в щели заборов, скалиться на чужих собак и плевать в землю, встречая прохожих. Его сторонились, старались зайти в дом, едва завидев вдалеке синюю рубашку под запахнутой форменной курткой.

Выйдя за ворота, он вопреки ожиданиям Стеньки пошёл в другую сторону, дошёл до конца улицы, повернул направо и пересек ещё три проулка, после чего свернул в четвёртый, где жили Савушкины. Стенька не мог ему возразить, у него никто не спрашивал мнения, иначе можно схлопотать сапогом по одному месту. Уже несколько метров оставалось до забора, через щели был виден дом и огород, Марина была в доме. Фёдор остановился, как вкопанный, и продолжал при-

стально всматриваться в щели забора. Наконец, он дождался момента, когда хозяйка вышла из дома, держа тазик с водой, поставила его на перила крыльца, придерживая одной рукой, а другой поправила красную косынку на голове. Фёдор продолжил своё движение, в его взгляде светился недобрый огонь. Он уже заметил через щели забора, что сарай распахнут, а мотоцикла в нём нет. Значит, мужа нет дома, наверное, уехал в райцентр. Он остановился возле калитки, его глаза оказались прямо напротив щели для газет. Шаги его были настолько тихими, что ни одна собака не подала голос. Однако, Стенька был менее осторожен. Когда Фёдор двинулся в сторону калитки Савушкиных, сын тоже пошёл вперед, но шаркая подошвами сапог и цепляясь за каждый камень. Одна из соседских собак не выдержала и сорвалась в лай, её тут же подхватили собаки со всего посёлка.

Марина с тревогой посмотрела в сторону калитки и даже не увидела, а скорее почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Она почувствовала, что это ужасное состояние беззащитности снова накатывает огромной волной. Её руки невольно разжались, тазик с водой упал с перил и окатил ноги, отчего сердце чуть не остановилось. Она попробовала успокоиться, после чего сделала несколько осторожных шагов в сторону прорези. И она всё поняла! Эти жёлтые глаза с бесцветными ресницами неподвижно следили за ней. Они её преследуют все эти годы, а сегодня Марина почувствовала, что это конец, она не может больше этого вынести.

– Уходи прочь! Я сейчас Пашку позову! – крикнула она что есть мочи. Но глаза даже не моргнули, они застыли, покрылись стеклом, как будто их хозяин глубоко задумался над чем-то и забыл их закрыть.

– Позови, я жду, – чуть слышно прохрипел голос за калиткой. Он никуда не спешил, даже о существовании сына, который топтался рядом, забыл напрочь.

В соседнем огороде послышалось какое-то движение. Это соседка Ольга услышала шум и уже пробиралась через заросли малины к забору из штакетника. Она уже давно не спала, работа в сельском магазине продавцом выработала железную привычку вставать с первыми петухами даже в выходной.

– Марина, ты чего кричишь? Что случилось, милая, тебе плохо? – с явным страхом в голосе спросила Ольга.

– Всё нормально, Оль. Просто показалось, что кто-то стоит за калиткой, вот я немного и испугалась. Пашка с Витькой уехали в центр, а я одна тут. Даже Марти забрали, вот меня озноб и пробрал, – оправдывалась Марина.

– К тебе зайти? – сочувствующе поинтересовалась Ольга, – мне пока делать нечего, если что. А то – пошли ко мне?

– Спасибо, Оль, мне полы надо домыть, пока мои не приехали, – немного успокоившись, ответила Марина.

– Ну как знаешь, если что – кричи, – шутила Ольга, пробираясь через заросли в обратном направлении. Габариты её не позволяли пройти подобные преграды незамеченной, ветки малины хрустели и ломались. Может быть, такая комплек-

ция досталась ей от матери, а может и магазин стал тому виной, но полнота её только красила. Добрейшей души человек, хотя в магазине может так гаркнуть на любого алкаша, что тот выбегал на улицу в полуприсяди.

Как только Ольга подала голос, глаза исчезли из щели калитки. Фёдор продолжил свой путь, считая свой долг перед ненавистной ему семейкой на сегодня выполненным.

-6-

Районный центр был примерно в пятнадцати километрах от посёлка Тулинского, где жили Савушкины. Это был обычный городок, с названием, с магазинами и даже с клубом. Возвышенск, так его величали с недавних времён, а возраст у него был не так уж и мал. Двести лет назад на его месте была деревня Возвышенка, а теперь тут вырос целый город с кирпичными многоэтажными домами и парком. Витька с отцом подъехали к воротам рыночной площади и заняли свободное место возле ограды. Не слезая с мотоцикла, Павел защёлкнул карабин поводка на ошейнике Марти.

– Ну как, устал ехать? – поинтересовался он у сына, снимая шлем и вешая его на руку.

– Нисколько, – с гордостью ответил Витя. Павел помог ему расстегнуть шлем и засунул его в люльку.

– Тогда пойдём, поищем твой бинокль, да мне шурупов и гвоздей заодно прикупим.

Павел слегка подталкивал сына к воротам рынка, левой рукой держа поводок Марти. Было рано, люди только начинали своё движение между рядами продавцов, лениво и нехотя. Торговцы раскладывали свой нехитрый товар – одежду для рыбаков, сапоги, рядом разместились свитера. Немного дальше стояли небольшой кучкой продавцы прошлогодней картошки и банок с соленьями. Чуть поодаль, в основном, возле забора, выстроились саженцы.

– Берём сморооодинууу, крыжооовниик, не проходим мииимо! – подал голос один из торговцев, резко разрезав утреннюю ленивую тишину воскресного утра.

Витя опустил голову. То, что он мечтал увидеть сию секунду среди нагромождений товаров, отсутствовало. Глядя на саженцы, он думал совсем о другом, с трудом сдерживая слёзы.

– Мальчик, ты выглядишь грустным, что случилось? – спросил хозяин кустов смородины, дедушка с седой бородой. Павел решил вмешаться в разговор, чувствуя, что сын может не выдержать и разревется.

– Уважаемый, я прошу прощения, но мы ищем бинокль. Не знаете, куда подевался тот продавец, который обычно стоял вон там? – Павел показал пальцем на свитера, гордо висящие на крючках деревянных шестов.

– А, так это-ть, ясно дело – ты, сынок, вдаль пройди, там он, ясно дело – передвинулся немного.

Дед был рад, что оказался полезным, он даже глядел не на

Павла, а на Витю. Тот поднял голову на старичка, и улыбка до ушей украсила его лицо. Только слезинка, спрятавшаяся за стёклами очков, выдавала его недавнее горе. Он перевел взгляд на отца, пытаясь прочесть его мысли, но Павел и сам радовался не меньше сына. Будто камень с души упал – обещание будет выполнено.

Людей почти не прибавилось, добраться до заветного ларька не составило труда. Глаза Вити сияли от разнообразия биноклей, фонарей, ножей с десятками лезвий.

– Ну давай, выбирай, что тебе по душе, – отец старался выглядеть спокойным, но какие-то сомнения закрались в его душу.

– Вот этот можно? – спросил Витя. Это был чёрный, средних размеров бинокль, лежавший в самой середине стола.

– Сколько просите за него? – с лёгким беспокойством спросил Павел у торговца.

– Четыре, – мужчина с бородавкой на носу недоверчиво посмотрел на своих первых в это утро покупателей, не считывая на свою удачу.

Павел достал деньги и что-то прикинул в голове, потому что он вдруг посмотрел на небо.

– Ладно, гвозди подождут, – сказал он еле слышно, – мы берем бинокль!

– Ооо... Прекрасный выбор, это восьмикратный бинокль, лучший из всех остальных. Вы не ошиблись в выборе, – зашептался человек с бородавкой. Он явно лукавил, так как ря-

дом лежали другие бинокли, выглядевшие не хуже этого.

– Обратите внимание на ножи, это швейцарские, десять лезвий... С биноклем само то... Дешево отдам..., – человек суетился и был готов кланяться покупателям, выполнившим его дневную выручку с самого утра. Он услужливо наклонил голову набок, выдвинув челюсти вперёд, а искусственная улыбка обнажила позолоченные зубы.

– В другой раз, – сказал Павел, передал деньги человеку с бородавкой на носу и поспешил уйти подальше от этой нестерпимо противной любезности, тронув сына за локоть, чтобы тот очнулся от своего шокового состояния.

Витя держал двумя руками прекрасный предмет, трогал его прорезиненный корпус и слегка дрожал. Иногда он отрывал от бинокля свой взгляд, чтобы оглянуться, – вдруг его преследуют? Но тут же его внимание снова возвращалось туда, где находился предмет его вожделения, он ощущал его тяжесть – это была настоящая, взрослая вещь, и её хозяин-он, Витька!

Всю дорогу ему казалось, что мотоцикл едет намного медленнее, чем всего час назад, но уже через полчаса Юпитер был перед поворотом в знакомый проулок. Вдруг послышался хлопок, Павел посмотрел вниз в сторону глушителя, но ничего не заметил. Равномерный, чуть сизый дым струился из глушителей и стелился по дороге за мотоциклом. Тем не менее, он решил заглушить его и осмотреть. Только он успел повернуть ключ зажигания, как раздался ещё один хлопок.

Это были ружейные выстрелы где-то далеко в лесу.

– Охотники, что-ли? – рассуждал вслух Павел, – но какого чёрта в это время года?

Тут же раздались ещё два глухих выстрела с небольшой паузой, после чего всё стихло. Марти пытался поднять лай, но указательный палец хозяина, выставленный в его сторону, дал понять, что лучше этого не делать. Марти немного поворчал, но притих, только свесил розовый язык и часто задышал, как будто только что догонял ворону.

– Ладно, поехали домой, мама, наверное, заждалась нас, – дернув рычаг кикстартера, сказал Павел. Юпитер рыкнул на повышенных тонах, но через пару секунд успокоился и принялся равномерно жужжать, будто спрашивая у человека: «Одобрешь? Вижу, что одобряешь!»

-7-

Когда Фёдор зашел в лес, в лицо ему хлынула цветущая свежесть мая, растаявший снег обнажил гладкие стебли кандыков, которые своим сладковатым дурманом ударили в нос. На минуту забыв, что он тут делает, отпустил свои мысли во времена юности, когда он был другим. Человек меняется внешне, его характер грубеет или становится мягче, но память о прошлой жизни только немного притупляется. Она не стирается полностью, как бы мы не хотели избавиться от самых горьких воспоминаний.

Память издевалась над Фёдором, она терзала его мозг, пульсирующий и пытающийся вырваться из черепной коробки. Вновь всплывал силуэт, отбрасывающий тень на деревянную стену охотничьего домика, когда в его открытую дверь хлынул оранжевый солнечный свет. Эту тень создавало висящее на верёвке тело отца. Переброшенный через балку шпагат, скрученный в несколько нитей, был натянут струной. На полу под трупом разбросаны несколько тонких березовых брёвен. Тело медленно поворачивалось на верёвке, как будто не хотело обрести покой в одном положении, осматривая серые бревенчатые стены вокруг себя. Ещё секунда, вторая, третья, четвёртая, лицо уже повернулось в сторону Фёдора и смотрит на него чёрными глазами через узкие надутые щели век. Серое лицо с тонкими полосками фиолетовых губ на нём, которые сейчас откроются и скажут: «Ну что, выронок, смотришь? Сейчас я поговорю с тобой по душам!»

Он помнил это всегда, всю жизнь он представлял эту картину смерти. Запах испражнений, царивший в охотничьем домике, до сих пор преследовал его, но не это было самым ужасным. Он ненавидел отца, каждый день пьющего и избивающего его и мать до крови. Фёдор рано повзрослел, не видя отцовской ласки и заботы.

Он стоял и смотрел на тело, которое завершало осмотр периметра и возвращалось в исходную точку. «Оно не может долго вертеться, ему пора остановиться», – как ни странно, но такие мысли посетили мальчишку, не отрывающего глаз

от трупa. «Он тут недавно, но прошло достаточно времени. Он не должен так долго крутиться...», – шоковое состояние удерживало его на месте, парализуя ноги и руки. Попробовав оторвать взгляд от головы трупa, он поднял глаза немного выше, туда, где веревка была переброшена через потолочную балку. Нити самодельной верёвки издавали звук, похожий на скрежет медленно открывающейся двери сарая. Несколько шпагатин были уже порваны и висели кудрями в общем пучке вместе с уцелевшими.

Внезапно скрежет усилился, появилось ещё несколько кудрей, и струна порвалась. Труп с глухим звуком упал на земляной пол, едва не задев Фёдора. Его оцепенение улетучилось за секунду, он отскочил назад мгновенно, как ужаленный, а место, где он только что стоял, заняло серое лицо покойника, почти сливающееся с цветом пола. Казалось, что чёрные глаза следят за мальчишкой: «Куда это ты намылился, выродок? Сейчас я тебя научу жизни!»

Тогда это произошло в первый раз: зелёные штаны с заплатами на коленях поменяли цвет на почти чёрный между ног, мокрая полоса расплывалась вдоль внутреннего шва. На сандалии закапала желтоватая жидкость. Фёдор смотрел на растекающуюся лужу, она приближалась к голове трупa. Вот она уже стала затекать под неё, скоро голова лежала в тёплой луже и смотрела на безнаказанного мальчишку.

Отец исчез рано утром, когда пил до середины ночи, а потом гремел в сарае, пока солнце не взошло. Мать с сыном

прислушивались к малейшему шороху всю ночь, боявшись сомкнуть глаза. Такое же утро последних дней мая, яркое белое, почти ядовитое утреннее солнце, как и сегодня, колыхало волны тревоги и страха, дикого одиночества. Фёдор забыл про Стеньку и шёл молча, тупо уставившись в заросшую тропинку, как и тогда, ведущую в заброшенный охотничий домик. Мать трясущимися руками взяла Федьку за голову и посмотрела в его зелено-желтые глаза.

– Сынок, прошу тебя... Проследи за ним, но будь осторожен! Не попадись ему на глаза.

Несколько минут назад отец тихо вышел из сарая, неся на плече смотанную самодельную веревку из шпагата. В правой руке он сжимал топор, причём, с такой силой, что пальцы были красными с выпирающими белыми костяшками. Быстрыми шагами он дошёл до калитки, открыл её и шагнул на улицу, не оглянувшись.

Фёдор увидел отца, когда тот уже поворачивал в конце проулка. Пробежав двести метров на одном дыхании, он рассчитывал увидеть его за поворотом, но его там уже не было. Дорога шла в сторону леса, она словно коричневый язык какого-то громадного зелёно-синего чудища свисала из его пасти. Он шагнул в неё.

Просека шириной примерно в пять метров уходила всё дальше и дальше в тайгу. По краям тропа граничила с высокими деревьями, простиравшимися вверх и закрывающими свет. Оттаявший валежник уже покрылся первой травой,

которая пряталась под тонкой полоской тумана. На дороге никого не было, Фёдор шёл всё дальше и дальше, со страхом поглядывая на деревья. И тут он увидел топор, воткнутый в ствол ели, ветви которой тяжело свисали до самой земли. Тут начиналась еле заметная тропинка, ведущая в сторону от просеки, в самую гущу леса. Сомнений почти не осталось, отец пошёл именно этой дорогой. Фёдор постоял пару минут, взглядываясь в серый туман, собрался с духом и шагнул вперёд. Сладкий запах кандыков и гниющих листьев, грибов и плесени ударил в нос. Тропа уходила всё дальше вглубь леса, к охотничьему домику.

-8-

Впереди журчал ручей, неся свою чистейшую прохладную воду по каменистому руслу. Небольшие перекаты и водопадики создали целый оркестр, который непрерывно исполнял мелодию колокольчиков и бубенцов. Ручей назывался Заячьим, его так прозвали охотники за одну особенность. Русло в одном месте делало большую петлю, которая почти замыкалась в кольцо, оставляя лишь небольшой проход в несколько метров. Этот зигзаг чем-то напоминал букву «омега», заманивающую в свои сети зайцев. Они заходили в ловушку, привлекаемые сочной травой, но единственный выход часто оставался недосыгаем. Хищники знали это место, иногда волк или лисица уже поджидали глупого зай-

чишку на выходе. Заяц пойдёт в ручей только в случае крайней опасности, поэтому уйти живыми из западни удавалось лишь избранным.

Охотники редко промышляли в этом месте, они считали такой способ недостойным настоящего охотника. Даже если день не принёс удачи и для какого-то успокоения души одинокий стрелок заглянет к ручью и подстрелит зайчишку, то он прячет его в мешок на самое дно. Если любопытный встречный увидит единственного зайца, то сразу догадается, что он добыт на ручье, что не вызывало никакого восхищения и гордости. Как раз туда и вёл Фёдор Стеньку, чтобы дать ему понюхать пороху. В это время года русло становилось шире обычного, вся тайга отдавала свою воду ручью, а он принимал её с благодарностью, перекатывая через скользкие камни бурный пенящийся поток.

– Держи ружьё, – равнодушно произнес Фёдор, – садись, ждать будем.

Решив не переходить на другую сторону ручья, он показал на плоские камни, скрытые за кустами ивы. Отличное место для засады, пространство за ручьём открыто как на ладони. Стенька держал ружьё, приклад которого был под мышкой. Как ни был крепко сложен мальчишка в свои одиннадцать лет, руки его для такого оружия были коротковаты. Но ему хватало и этого ощущения массы вороненого металла, пахнущего оружейным маслом, длинный чёрный ствол, массивный полированный приклад... Он гладил всё это руками, а

мелкая дрожь в коленях уже передавалась на ружьё, на лицо и на губы. «Только бы не сплеховать: вот – мушка, спусковые крючки – направить и бахнуть!»

Шли долгие минуты, журчание ручья стало привычным для слуха, Стенька начал понемногу клевать носом. И тут Фёдор резко вскинул ладонь, дав понять, что пора приготовиться. Мальчишку снова охватила дрожь, он пытался в просвете между ветками кустов разглядеть что-нибудь, но ничего не видел. Испуганные глаза бегали вдоль ручья: «Только бы не сплеховать...»

– Прямо перед собой смотри, – Фёдор разгорался злобой, его округлившийся рот сделал гримасу отвращения, – Видишь? Вон волчица с выводком!

Он смотрел на мальчишку, не скрывая раздражения.

– Поднимай ружьё, – с паузой между словами злобно процедил он. Стенька сделал то, что от него требовали, но огромное ружьё не находило места в детских руках, – приклад влекло к земле, а дуло смотрело в небо.

Одним рывком Фёдор вырвал ружьё из рук сына, продолжая с ехидной злобой смотреть на него. Волчица и трое волчат вышли к ручью. Для щенков это была первая прогулка этой весной, они были неповоротливыми и медлительными. Круглые мордашки ещё не были похожи на звериные, только мать – волчица давала понять, что эти щенки – самые настоящие волки. Она пристально следила за их игрой, слегка двигая ушами, словно чувствуя опасность. Двойное дуло ру-

жья смотрело прямо на зверя, палец медленно давил курок. И тут волчица уловила запах людей и повернулась к кустам на противоположном берегу. Ей хватило доли секунды, чтобы среагировать, короткий рык прервал игру щенков. В следующую секунду волчица упала замертво, меткий выстрел пробил ей голову. Гулкий хлопок быстро развеялся в шуме ручья.

Волчата даже не пытались убежать. Они смотрели на мать и не шевелились. Фёдор оскалился, в уголке его рта показалась слюна. Он снова прицелился и нажал на второй спусковой крючок. Один из троих волчат упал, а двое других отпрыгнули назад, но продолжали смотреть на волчицу-мать. Фёдору хватило нескольких секунд, чтобы вытащить гильзы и вложить два новых патрона. Белый дымок окутал его голову, глаза сверкали, выпирая из орбит. Весь смысл его никчёмной жизни сейчас состоял в том, чтобы прикончить этих «вонючих щенков». Дело оставалось за малым, он встал во весь рост и вышел из-за кустов. Два выстрела прогремели почти одновременно, Фёдор тыльной стороной ладони вытер слюны, вытащил дымящиеся гильзы и уставился на Стеньку.

– Всё, конец охоте, пошли домой.

-9-

Володя Маслик уже два часа торчал возле забора, изучая каждую щель в нём. Он пару раз сбегал к Савушкиным,

узнать, не вернулся ли Витька, но результат был тот же. Теперь он ковырял свежевскопанную землю в огороде обломком черенка от лопаты, но глаза его продолжали зорко наблюдать за дорогой. Сначала он сильно обиделся на своего лучшего друга Витьку, который не выполнил своего обещания, да ещё и уехал. Как он мог плюнуть на их планы? Построить огромную запруду на ручье – дело не шуточное. Но когда Витина мама раскрыла секрет его путешествия с отцом в районный центр, Володька перестал находить себе место. Он давно простил Витькин проступок и теперь с нетерпением ждал. Когда ямка была почти по колено, послышался гул мотоцикла. Володька бросил своё занятие, которому так и не смог придумать причину, кинулся к забору и высунул голову.

– Виить..., протянул он вслед мотоциклу, но двигатель заглушил его голос. Витька тоже увидел друга и помахал ему рукой.

Мальчишки учились в одном классе, жили в одном проулке и радовались каждому дню, проведенному вместе. Тем не менее, к дружбе каждый относился по-своему. Витька считал, что ради друга он готов пожертвовать всем, что ему дорого. Володька же думал, что за дружбу с ним ему кто-то должен. Искренне улыбаясь, безмятежно посвящал себя общему делу, но часто ставил товарища перед выбором: «Я пока посторожу удочки, а ты насобирай ручейников». А особенно обидным был момент перед контрольной работой по

математике, тогда он протянул Вите конфету, которую тот сразу же засунул в рот. Через несколько секунд Володя задал простой вопрос, поставивший друга в тупик: «Дашь списать контрольную?»

Володькиного отца звали Козя, кто-то звал его Казя или Козьма, а полностью – Казимир Терентьевич Маслик. Савушкины недолюбливали его, на это были причины. Казимир был мастером на все руки, но только золотыми эти руки вряд ли можно назвать. Прослышал как-то Павел, что Козьма умеет ремонтировать печи, а у Савушкиных как раз дымила печь в доме. У Павла словно пеленой разум заволокло, вместо того, чтобы подумать – откуда вдруг у Козьмы такие способности открылись, он предложил ему работу.

Козьма всегда был лодырем, хитрым разгильдяем, целыми днями ошивался в центре и «зарабатывал». Хотя со стороны глядя, упрекнуть его было не в чем: жена – медик, Клавдия Ивановна, сын Володька, старенькие «жигули» первой модели. Но те, кто знает его немного дольше, обязательно хоть раз столкнулись с его скользкой натурой.

Козьма пришёл в воскресенье в девять вместо десяти. Марина хотела сначала накормить завтраком сына с мужем, прежде чем закипит работа, но золотых рук мастер прибыл в аккурат к завтраку. Конечно же, его посадили за стол, предложили сто грамм, тот не отказался – работа лучше пойдёт.

Ближе к обеду было вытащено два кирпичика, а дом утопал в извести и глине. Козьме предложили пообедать, на что хо-

зьева получили положительный ответ. Не обошлось и без ста граммов «для аппетита», но печник и так не страдал его отсутствием. После обеда он присел на крылечко и закурил, веки его отяжелели, голова опустилась на грудь. Так и закончилась его работа у Савушкиных. Когда Павел его растолкал, Козьма сначала удивлённо посмотрел на него, а когда окончательно пришёл в себя и собрался с мыслями, то сделал удивительное заявление.

– Сегодня уже не успею закончить, ждите в следующее воскресенье.

– Но ведь ты обещал закончить сегодня, говорил – работы на час? – удивленно произнес Павел

– Печка старая, глина слишком твёрдая. Ах, да, вы обещали денег подкинуть за работу, – заискивающе глянул Козьма снизу-вверх на Павла и Марину и ехидно улыбнулся. Через минуту мастер «золотые руки» был выставлен за ворота. Бурча что-то под нос, изредка оборачиваясь и грозя кулаком, Маслик побрёл домой. После этого случая он целый год не разговаривал с Савушкиными и не здоровался при случайной встрече.

Позже произошёл ещё один неприятный случай, в котором Казя проявил свои «скользкие» способности. Однажды Павел получил воспаление лёгких и слёг. Ближайший стационар находился в районном центре в горбольнице, это очень далеко и создаёт много неудобств. И тут Марине пришла в голову одна мысль – Клавдия Ивановна, жена Казимира –

медик. А что, если попросить её утром и вечером ставить Павлу уколы, тогда бы не пришлось ложиться в больницу?

Клавдия Ивановна сразу согласилась, она считала своим профессиональным долгом помочь Павлу Савушкину. Несмотря на старую историю с печью, Клавдия была рада восстановить хорошие отношения с Мариной и Павлом. К тому же, она не сильно верила истории мужа, в которой он выполнил всю работу, а ему даже спасибо не сказали.

Клавдия пришла рано утром и поставила укол антибиотиков, пообещав после работы забежать ещё. Вечером она снова сделала прививку, ей хотелось любым способом помочь беде Савушкиных. Клавдия смотрела в глаза Марине словно умоляя её: «Можно я ещё что-нибудь сделаю для вас? Хотите, я помою вам посуду?» Но Марина и сама была растрогана участием подруги, поэтому не находила нужных слов, лишь обняла её перед уходом.

Никто даже не ожидал, что через три минуты раздастся стук в дверь.

– Хозяева, есть кто дома? Не спите?

Козьма решил стать вечерним гостем, при этом сохраняя невозмутимое лицо, как будто прошлое его совсем не заботило.

– Я слышал, ты, Павел, приболел? – участливым голосом сказал Казя. На его лице было такое выражение, как будто он удивлен и испуган случившимся событием.

– Да вот, понимаешь... Комбайн под дождём чинил, вы-

звали прямо в поле. Так и подхватил простуду окаянную. А ты как поживаешь?

– Я слышал, моя Клавка уколы ставить подрядилась? – будто не слыша предыдущего вопроса продолжал диалог припозднившийся гость.

– Да, спасибо Клаве, что согласилась. Так выручила, – вступилась за Павла жена, видя смятение и стыд на его лице.

Козьма покачал головой, прищурил глаза и хитро, как-то по-лисьи, улыбнулся.

– Ну да..., ну да... Слушай, Паш! Ты, когда выйдешь на работу, замолви обо мне словечко, может им нужен специалист? Я всё могу, ты же знаешь.

Павел даже привстал на локте в кровати. Слова Кази застали его врасплох, он не ожидал такой подлости от человека, даже такого слизняка, как Маслик.

– Марина, сходи, пожалуйста, к Оле, позвони в такси и закажи на утро. Прошу тебя, не плачь, поваляюсь недельку в больнице.

Полные слёз глаза блестели в тускло освещённой комнате. Марина переводила взгляд с Павла на Козьму, до неё постепенно доходила цель визита этого ехидно улыбающегося человека. Это не мог быть визит вежливости или примирения, и ему не нужна была работа на комбинате, где работает Павел. Это месть за тот случай, подлая, слабая, но месть! Целый год Козьма носил в душе обиду на Савушкиных, считая себя правым, искал способ отплатить за своё пошатнувшееся до-

стоинство, но не мог найти. И вот подвернулся такой случай, Маслик не мог его упустить. Он пошёл за Клавдией, спрятался за распределительным щитом, прикрученным к столбу недалеко от калитки Савушкиных и стал ждать. Через пять минут Клавдия вышла на дорогу и пошла домой. Козьма ещё немного подождал и толкнул незапертую калитку.

Павлу хотелось встать и вышвырнуть соседа на улицу, но боль в груди и руки Марины на плече удержали его в кровати.

– Пошёл прочь, – с трудом сохраняя спокойствие промолвил Павел.

– Что, что? Я не понял, что ты говоришь? – изумлённо проямлил Казя.

– Я говорю, убирайся! Ты, сволочь, как таких, как ты, земля носит, – уже громче выкрикнул Павел. Внезапный кашель нахлынул на него и не отпускал даже тогда, когда сосед встал и вышел прочь.

Марина пыталась всеми способами успокоить кашель, положила на голову мужу влажное полотенце и дала выпить воды.

– Витя, сынок. Сбегай закрой калитку и дом, – Марина вытерла слёзы и очень серьёзно посмотрела на Павла.

– Паш, я поставлю тебе уколы, ты успокойся. «Только я прошу тебя – не бросай меня тут одну», – сказала Марина и прислонилась влажной щекой к колючим усам мужа.

– Паш, я так люблю тебя.

– Всё будет хорошо, милая. Давай спать, утро вечера мудренее.

-10-

Витька бежал по улице, а бинокль бил его по ногам. Ремешок был слишком длинный, но, чтобы поправить его до нужного размера, совершенно не было времени. Уже перевалило за полдень, а работа предстояла нешуточная. Володька уже ждал друга возле своей ограды.

– Ух тыыы! Настоящий! Дай посмотреть? – с восторгом и завистью воскликнул Володя.

Витя дал другу бинокль, не снимая ремешка с шеи.

– Вот это дааа! Видно, как будто рядом, -восхищался Володя.

– Дай мне посмотреть, я ещё сам не видел! – не вытерпел Витя.

Это было чудо какое-то, каждый камень на дороге был величиной с яблоко. Вдоль заборов колышется первая зеленая трава, такая мягкая и нежно-зелёная, а в линзах бинокля уже большая и окрепшая. Несколько гусей что-то ищут в ней и спорят между собой, важно выпятив свою широкую грудь. Рыжий кот сидит на заборе у тёти Оли, как будто рядом. Его усы шевелит лёгкий ветерок.

– Вить, а как же лопата? – прервал Володька занятие товарища.

– Мы же договорились, что ты возьмёшь? – удивился

Витька

– Вить, ты же знаешь, у меня спросит батька – зачем, куда... Да и может она не пригодится сегодня? – с надеждой в голосе спросил Володя, – а ты не взял тормозок?

– Мама мне дала бутерброды с колбасой, – Витя показал продолговатый свёрток, заткнутый за резинку штанов и закрытый кофтой, – а у тебя есть обед?

Володька посмотрел в сторону и буркнул:

– Ты же знаешь, батька увидит, скажет – дома надо обедать...

– Ладно, – быстро выпалил Витька, – нам с тобой хватит.

Постучав себя по квадратному животу, он улыбнулся, сощуривав голубые глаза за стёклами очков. Отец всегда так делал, когда шутил, щурил глаза и улыбался усами. У Вити усов не было, зато голубые глаза излучали свет, как два маленьких кусочка неба.

Ребята быстро оказались на краю посёлка, дальше по дороге начинался лес. Широкая просека вела в его глубину, скрываясь за поворотом. Трава уже высохла от яркого солнца, ребята сняли ботинки и ступали по мягкому молодому ковру босиком. Через двести метров небольшая тропинка отделилась от основной дороги и повернула вправо. Где-то вдалеке был слышен шум ручья, цель путешествия мальчишек.

Ещё зимой, сидя на скучных уроках математики, Вить-

ка достал из портфеля книжку про индейцев и показал Володке обведенный карандашом кусочек текста. В нём подробно описывался способ ловли рыбы с помощью западни из камней. Рыба заплывала в небольшую запруду, вход в которую был похож на воронку. Широкий вначале, он постепенно сужался до нескольких сантиметров, а дальше – широкая запруда. Рыба с течением воды плыла к этому узкому «горлышку» и попадала внутрь. Назад она уже выплыть не могла и становилась индейским обедом.

Друзья с нетерпением ждали тёплых дней, чтобы проверить изобретение индейцев на деле. Всё лето ещё впереди, столько планов накопилось в голове у ребят, что они не оставляли ни одной свободной минуты. Построить дом на дереве, поймать нескольких зайцев и приручить их и, самое важное задание – это исследовать просеку до самого её конца. Что там, за её поворотом, ребят интересовало больше всего, но так далеко заходить в лес им не разрешалось, поэтому было решено эту задачу отложить до лучших времен, когда они станут немного старше.

Ледяная вода ручья больно жгла руки, но работа увлекала всё сильнее. Никто из ребят не хотел останавливаться, камни один за другим вытаскивались из русла и складывались в кучу на берегу. Витя стоял на двух валунах в ручье, закатав рукава кофты и широко расставив ноги для устойчивости. Он доставал тяжёлые камни из воды, а Володя принимал их на берегу. Витькины штаны были мокрые до колен, а руки

красные по самые локти от холодной и колючей воды. Володке повезло больше, на него не попало ни одной капли, и он был полностью сухой, но дело тут даже не в этом. Кто хотя бы немного знал этого паренька, сделал бы странный, но однозначный вывод: если бы над ним разверзлись хляби небесные – он бы вышел сухим из воды.

Витька, в отличие от своего товарища, часто попадал в неприятности. Упасть с дерева для него ничего не стоило, как и подпалить волосы вместе с бровями в костре. Когда он нашел пчелиное гнездо в дупле дерева, он бежал от взбесившихся пчёл до самого дома. Тогда он целую неделю не мог выйти из дома, лежал с температурой, а мама делала ему примочки. Но наказания не последовало даже после того, как Витька поправился. В первую ночь он бредил, сильный жар не спадал до полуночи, Павел с Мариной не находили себе места. Позже они лежали до утра, стараясь не нарушить сон ребёнка. Лишь под утро Марина залезла под руку Павла, улыбнулась и сказала:

– У нас такой прекрасный сын...

– Да, милая. И такой же добрый, как ты, – прошептал Павел.

– И ты..., засыпая с первыми петухами сказала Марина.

-11-

Тени от деревьев и камней медленно поползли к востоку,

совсем незаметно подошло время обеда. Витя вылез на берег, отодвинул ветку куста и достал прямоугольный газетный свёрток. Два бутерброда с хлебом и колбасой лежали, тесно прижавшись друг к другу. При их виде у мальчишек заурчали животы, так что на уничтожение припасов потребовалось всего несколько минут.

– Я бы мог таких десять съесть! – сказал Володя, облизывая пальцы и обтирая их об штаны.

– Нет, это была бы огромная гора, – рассмеялся Витя, вытягивая ноги на тёплых камнях и пытаясь хоть немного просушить ботинки. Вдруг вдалеке послышались громкие голоса, а через минуту показались и их хозяева. Это шли Стенька и Митяй, ломая ветки и стуча ими по стволам деревьев.

Отец Митяя, старший лейтенант милиции, Иван Колодин, работал вместе с Фёдором Дементьевым в одном опорном пункте. Не то, чтобы сослуживцы были друзьями, скорее, терпели друг друга. Иван недолюбливал Фёдора и старался не вступать с ним в излишние диалоги и, тем более, не иметь с ним общих дел. Но мальчишки ощущали некоторое превосходство в посёлке над остальными ребятами, поэтому часто вели себя более раскованно, чем другие, а иногда даже нахально. Другие дети старались не пересекаться с этой парочкой привилегированных подрастающих бандитов, поэтому Стенька и Митяй обычно ошивались в одиночестве.

Встречи с ними избежать не удалось, Стенька заметил ребят первым и встал, как вкопанный. Он показал Митяю паль-

цем перед собой и засмеялся.

– О, какие люди! – глумился Стенька, упираясь ладошками в колени, наклонившись вперед, – гребарий ищут, видать!

– Не гребарий, а гербарий. И его не ищут, а собирают. А мы другими делами заняты, – не выдержал Витька наглых слов Стеньки. Тот не ожидал такого отпора и распрямылся, удивленно посмотрел на Митяя, словно задавая немой вопрос, потом снова медленно повернулся к Витьке.

– Вы что, ботаны, совсем оборзели? Вы с кем так разговариваете? Шпана! – выкрикивал Стенька, стараясь сделать голос как можно грубее, но от этого он только становился каким-то повизгивающим. Это было ему совсем не на руку, отчего его лицо покраснело, а конопушки стали совсем чёрными.

– Ты несколько не старше меня, – стараясь сохранять спокойствие ответил Витька. – Мы с тобой в одном классе учимся, и ничего мы не ботаны.

Володька оставался в стороне, пока происходил этот беспокойный разговор. Его что-то беспокоило прямо под его ногами, поэтому он пытался это «что-то» найти и выковырять.

– А ты хоть раз ружьё держал в руках? Настоящее ружьё! – с серьёзным видом, немного испытующим, продолжил Стенька.

– Ну, нет. А зачем?

– Аааа.... А ты на охоту ходил хоть раз?

– Нет, не ходил. Меня это не интересует.

– Ты бы не пошёл, даже если бы тебя отец позвал! А всё потому, что ты струсил! – сделал окончательный вывод Стенька.

– Я ничего не боюсь. А ты даже от девчонок прячешься, когда им на глаза попадаешься! – Витя уже начинал закипать.

Стенька подошёл вплотную, выпятил грудь и посмотрел в глаза Витьке. Кажется, ещё немного, и он кинется на него с кулаками, но Митяй вдруг одёрнул его:

– Еньк, уже солнце скоро сядет, брось ты его, пойдём, покажешь.

Стенька продолжал смотреть в стёкла Витькиных очков, и тут его рот расплылся в ехидной улыбке.

– Мы сегодня с отцом на волков ходили. Слабо посмотреть? Там они валяются, за ручьём.

– Нет, не слабо. Показывай! – повернувшись к Володьке, он кивнул головой в сторону тропинки. Тот нехотя встал, но весь его вялый вид говорил сам за себя: «Оставьте меня здесь, я ищу очень важную вещь, а вы тут со своими волками...». Но он всё равно поплёлся со всеми, – при упоминании о волках он сразу отказался от перспективы остаться тут одному.

Стенька шёл впереди, за ним Митяй. Замыкали шествие Витя и Володя, причём, последний плёлся со значительным

отставанием и всё время оглядывался. Он постоянно думал над одной задачей: если волки вдруг оказались так близко от посёлка, то они могут появиться тут опять, причём, в любую секунду? А если волки голодные, а ведь они всегда голодные – то они нападут на нас? Если они набросятся на Стеньку с Митяем, то смогут ли они с Витькой убежать? Интересно, а если волку кинуть бутерброд с колбасой, то волк будет его есть? Тут Володька вспомнил, что бутерброд он недавно съел сам, поэтому бросать было нечего, что его сильно огорчило.

Через несколько десятков шагов показались кусты ивы, за которыми утром прятались охотники. В глаза бросились четыре гильзы – две красных и две зеленых. Митяй поднял одну из них и понюхал.

– Да, круто, – сказал он и посмотрел на Стеньку. – Еньк, а ты сам-то стрелял?

– Конечно! – еле заметная краска стала подступать к его щекам, но быстро исчезла, когда Витька задал не менее каверзный вопрос:

– Чем заряжали? Дробью или картечью?

Стенька плотно сжал губы, кулаки он сжимал уже давно.

– На волков, ты сам подумай!

Витька был серьёзным, хотя уголки рта немного приподнялись. Ему уже нравилась эта игра в скрытый сарказм – немного осадить зазнавшегося гордеца не будет лишним.

– Наверное, картечь? – с наивным видом продолжал Витька.

– Конечно! А что же ещё? – облегчённо выпалил Стенька и перепрыгнул на большой валун в воде.

– Ну что, смелых нет? Пошли за мной, если вы не шпана. Митяй, не отставай.

-12-

Володя остался возле куста ивы. Ему было безразлично, что о нём будут говорить ребята, страх перед волками, даже мёртвыми, овладел им полностью. Остальные трое смельчаков упорно пробирались на другой берег, ища глазами большие камни и перепрыгивая по ним. Витя несколько раз наступил в ручей, вода доходила почти до колен. Стенька с Митяем были более осмотрительными и дошли до берега почти сухими.

– Там они, – Стенька указал пальцем на траву, – Митяй, поди глянь.

Митька медленно пошёл в направлении травы, гладь которой немного поодаль прерывалась, как будто чем-то примятая. Вытянув голову, как гусь, он пытался увидеть страшную картину раньше, чем там окажется он сам. Наконец, он заметил что-то серое и резко отпрянул назад.

– Они там! Там... – промолвил Митяй, – они точно мёртвые?

– Мертвее не бывает, – буркнул Стенька, – могу проверить, если у остальных кишка тонка.

Он подобрал увесистый камень и медленно пошёл в сторону примятой травы, держа руку вытянутой в сторону. Остальные двинулись следом, Витя шёл последним. Когда Стенька увидел волчицу, лежащую на боку, его лицо невольно скорчилось в гримасу отвращения. Трава под зверем была тёмно-красной, на серой шкуре, ссохшейся в сплошную корку, были видны чёрные пятна засохшей крови, облепленной мухами. Глаза были полуоткрыты, пасть застыла в страшном оскале. Выстрел пришёлся волчице в голову под ухом и в шею. Она умерла сразу, вытянувшись во всю свою огромную длину, которая была не меньше двух метров. Рядом лежали мёртвые волчата, количество которых определить было почти невозможно – это была сплошная масса серой шерсти и крови. Дробь изуродовала их тельца до неузнаваемости, они были похожи на шкурки, вымазанные кровью. Стенька отпрянул и отвернулся было, борясь с отвращением и тошнотой, перехватившей горло, но через несколько секунд снова устоялся на трупы.

Митяй стоял в стороне и не проявлял желания наблюдать эту ужасную картину. Витя стоял в пол-оборота к месту событий и с трудом сдерживал слёзы и рвотные позывы. Он ненавидел Стеньку, ненавидел его отца, даже себя он ненавидел в эту минуту. Зачем он пошёл сюда? Ну и пусть он будет трусом, кому он хотел доказать обратное? Этому подонку?

Стенька не мог оторвать взгляд от серой массы, его рот перестал подёргиваться и начал растягиваться в злобный

оскал. Он указал пальцем в какую-то точку и воскликнул:

– Смотрите! Смотрите! Один тварёныш ещё живой!

Он медленно поднял камень над головой и стеклянными глазами уставился в одну точку, продолжая указывать туда пальцем. Витька вздрогнул и глянул в ту сторону, куда только-что обещал сам себе не смотреть ни за что на свете никогда. Чувство тошноты сменилось дрожью в руках и коленях, нечто кроваво-чёрное шевельнулось и даже стали видны очертания головы. Слабые попытки раненого щенка приподнять её не привели ни к чему, он снова уронил её на траву. То, что раньше было ухом, напоминало красный лоскут, висящий на затылке. Шкура в области лопатки была содрана, несколько мух летали над этим маленьким раненым комочком, практически не подающим признаков жизни.

Тут Витя заметил камень в руке Стеньки, который он поднял над головой и двинулся в сторону щенка, чтобы добить его. Как молнией ударило его, он внезапно собрал в один узел все мысли и желания, которые сосредоточились только в одном направлении. Хватило доли секунды, чтобы понять, что ему делать. Он принял единственное решение, которое ему пришло в голову в ту секунду – схватить поднятую руку Стеньки и выбить камень. Оскалившийся рот Стеньки резко повернулся в сторону нападавшего, глаза сверкали неистовым жёлтым светом. Лицо стало багровым, почти чёрным, для него больше не существовало другой цели, кроме Витькиной шеи. Обеими руками он схватился за неё и на-

чал давить, пригибая Витьку к земле всё ниже и ниже. Но неожиданный удар коленкой в пах ослабил хватку Стеньки, он ухватился обеими руками за то место, куда пришёлся удар и громко закричал:

– Я убью тебя, гадина! Убью, гадина!

Витька подбежал к камню и откинул его подальше, но тут же упал на землю, поваленный внезапно напавшим противником. Дерущиеся катались по траве, кряхтя и рыча друг на друга. Ремешок бинокля порвался, но Витьке уже не было никакого дела до бинокля, лежащего в траве. Внезапно вскочивший на колени Стенька смог отползти в сторону и снова схватил камень. Но только лишь ему удалось встать на ноги, как Витька сшиб его на траву, ударив головой под колени.

– Да ты придурок, чего тебе надо? – визжал Стенька, но Витька был, как скала. Он уже не чувствовал боли, хотя под носом всё было вымазано кровью, очки сильно погнулись, но ещё держались на ушах.

Противники поднялись на ноги и встали друг напротив друга. Стенька тоже был в крови, но это была Витькина кровь, которой была вымазана кофта и руки. Он стоял и не мог решиться на очередную атаку, хотя крепко сжимал кулаки. Витька был хладнокровен и спокоен, несмотря на то, что имел сильно потрёпанный вид.

– Я убью тебя! – в отчаянии выкрикнул Стенька, понимая, что в этой драке он проиграл. Нервно смотря по сторонам, он заметил в траве бинокль, его зубы снова оскалились

в нервной улыбке. В двух шагах от него лежал камень, но его уже не интересовал недобитый волчонок, он решил совершить нечто большее. Резко дёрнувшись в сторону камня, он схватил его и занёс над биноклем. Витька даже не шевельнулся, а только безучастно смотрел на происходящее, этим ещё больше разозлив Стеньку. Тот с яростью кинул камень на бинокль, вложив в удар всю свою ненависть. Линзы вылетели и покатались в траву, а корпус стал похож на сковородку.

– Пошли отсюда! – крикнул он Митяю, смотревшему на происходящее, как во сне. Услышав своё имя, он вздрогнул и повернулся в сторону ручья, вяло и безучастно.

– Собирай свою рухлядь, сиди со своей вонючей падалью, – буркнул через плечо Стенька и прыгнул на валун в ручье.

Володи на том берегу уже давно не было. Он подходил к посёлку и больше ничего не хотел знать! Единственным его желанием было спрятаться под одеяло и не вылазить оттуда до конца лета.

-13-

Солнце спряталось за деревья, но небо всё ещё оставалось голубым. Радостное чириканье птиц и журчание ручья сливались в одну песню. Она была прекрасна и чиста, как голос первой любви. Ранние бабочки капустницы, редкие, но та-

кие нежные, напоминали ресницы, на которые он мог смотреть целыми днями, если бы это было возможно. Странно, почему он вдруг вспомнил про ту девочку Женю, сидящую на соседнем ряду ближе к окну. Может быть, потому, что он изредка бросал нечаянный взгляд в её сторону и надеялся, что она этого не заметит? Длинные ресницы искрились на солнце и отбрасывали причудливую тень на белую тетрадь. Такие нежные, слегка припухшие веки, серые глаза смотрят на учительницу. «Только не повернись, прошу тебя. Я знаю, ты думаешь о весенней капели, о своём котёнке и о цветах на твоей личной маленькой клумбе, которая сейчас под снегом, о нежном мамином поцелуе, который она тебе дарит каждое утро. Я знаю, что ты никогда не думаешь обо мне – может быть, я для тебя не существую, не должен существовать. Я не против, но только не посмотри в мою сторону, иначе я провалюсь сквозь землю от смущения и стыда...»

Прошла лишь минута, такая короткая, но странная. В Витиной голове вдруг вихрем пронеслись несколько холодных месяцев, школа, уроки и девочка Женя, которую в прошлом сентябре посадили у окна. Но что-то вдруг вывело его из этого туманного состояния, он вздрогнул и снова почувствовал дрожь в руках и коленях. Всего минута, и Вите стало невыносимо стыдно, когда он услышал еле различимый звук, похожий на писк. Приблизившись к примятой траве, он услышал более явно, как поскуливает раненый щенок. «Он жив! Он ещё живой!» – неслось в голове, гулко отдаваясь в ушах, как

будто длинный товарняк с пятьюдесятью вагонами медленно и монотонно ехал внутри него. На секунду крепко сжав веки, Витя просунул руки под этот грязный чёрный комок, чуть тёплый и вздрагивающий на его ладонях. Странно, ему не было страшно, но почему-то снова в мыслях всплыли длинные ресницы Жени. Отделяя живого щенка от его мёртвых братьев он, как мантру, повторял: «Только не посмотри в мою сторону, только не смотри, только не смотри...»

Волчонок посмотрел! Он смотрел на Витю чёрными огромными зрачками, наполовину прикрытыми веками. Он смотрел и скулил, тихо, жалостно, с надеждой глядя прямо в глаза человеку. Странно, что до этого слёз не было, шок-овое состояние с того самого момента, как он попал на этот берег, не давало волю слезам. Но теперь что-то случилось, как будто открылся игрушечный маленький кран, слёзы текли ручьём под замятыми очками, делая длинные борозды на измазанном кровью детском лице.

– Потерпи, малыш. Потерпи немножко..., – прошептал Витя, – ты будешь жить.

Беглый взгляд мальчика остановился на разбитом бинокле, но это сейчас совсем не волновало его. Он посмотрел на другой берег – там никого не было. Вторая волна дрожи накатила снизу-вверх, чувство одиночества, потерянности, забытого и брошенного всеми ребенка, вдруг поселилось в душе. Щенок снова подал голос, нужно принимать решение, причём, очень быстро. Витя подошёл к ручью и шаг-

нул на первый валун. Расстояние до следующего камня было небольшим, для прыжка не нужно было много усилий, но это в обычной ситуации. Теперь же на его руках лежал раненый волчонок, маленький зверь, совсем малыш. Витя наступил в холодную воду и пошёл, больше не глядя на камни.

С трудом поднимая тяжёлые ботинки, полные воды, он делал шаг за шагом, боясь сделать лишнее движение, чтобы не потревожить свою ношу. Солнце уже не светило, небо покрылось оранжевым заревом, вечер неумолимо предьявлял свои права.

«Ничего, пройду тропинку, дальше – просека, там будет немного светлее», – с надеждой думал Витя. Дойдя до горки камней, которые они нагребли днём с Володей, Витя поставил на возвышенность ногу, согнутую в колене и положил на неё один локоть. «Только десять секунд, больше нельзя», – думал он, но какой-то внутренний голос, добрый и ласковый, шептал ему: «Сядь, отдохни. Не торопись, тебе некуда торопиться».

Смахнув с себя вялость и сомнения, он пошёл дальше. «Как такой малыш может быть таким тяжёлым?» – удивлялся он, вспоминая, каким он казался лёгким в первые минуты, когда он только поднял его с травы.

*Самый лёгкий в мире слон
Понял утром, что влюблён*

Витя решил отвлекаться, проговаривая вслух всё, что придет в голову. С каждым словом он делал шаг, с каждым следующим – ещё шаг. Так он добрался до просеки – дорогу почти не было видно.

*Гирьку хоботом зажал
И на рынок побежал.
Лучше малость потерпеть,
Чем на небо улететь.*

Витя шагал монотонно, как робот. Он уже не чувствовал рук, а ноги в ботинках хлюпали в такт его словам. Не было и речи, чтобы остановиться и вылить из них воду.

*Сотню шариков купил,
А что делать – не решил...*

Шлёп...шлёп...шлёп... Вдалеке кукарекали вечерние пети, лаяли о чём-то собаки, показался первый фонарь у посёлка. «Только не останавливаться, нельзя останавливаться... Интересно, каким будет наказание?» – равнодушно рассуждал Витя.

*Он их к гирьке привязал
Улыбнулся и сказал...*

Он уже приближался к повороту в свой проулок, но остановился, не в силах больше пошевелиться.

Это, милая, тебе

Ах! И в небо улетел.

«Ещё только несколько шагов, ну пожалуйста», – думал Витя, стоя под одиноким фонарём, но ничего больше не мог сделать.

Вдруг из проулка выбежала Марина, следом – Павел. В десяти метрах от них под фонарём стояла их потеря – что-то смахивающее на их ребёнка, но совсем не похожее на него. Если бы не очки, блестящие в свете одинокой лампочки, то можно смело предположить, что это какой-то негритёнок случайно забрёл в их края.

Постояв секунду, словно потеряв способность двигаться, родители медленно пошли навстречу сыну, постепенно ускоряя шаги. Марина закрывала ладошкой рот, чтобы сдержать стоны. Павел заметил, что это грязное пугало, которое, скорее всего, и есть их сын, держит на руках что-то очень дорогое и весьма хрупкое. Он вытянул руки и попробовал перехватить «это», а уж потом разбираться в случившемся.

Коричневое от засохшей крови лицо, погнутые очки, заляпанные чем-то, черный от грязи свитер и бесформенные ботинки, облепленные коричневой грязью, стали последней каплей для Марины. Она успела повернуться к Павлу, схва-

тить его за локоть и промолвить:

– О, боже!

После этого она обмякла и повисла на руке мужа, потеряв сознание.

-14-

Это воскресенье выдалось особенным, оно отличалось от других дней. Нет, солнце светило ярко, птицы щебетали свои радостные песни весь день, собаки лаяли на своём собачьем, гуси гакали, гордо бродя по проулкам. Да и люди оставались такими, какими они были в любой другой день. Обычное постоянство, какое и должно быть, ведь именно постоянство определяет благополучие и спокойствие. Если постоянство нарушается, то о спокойствии можно позабыть, а там и благополучие куда-то исчезает.

В семье Савушкиных в этот день благополучие никуда не делось, но о спокойствии они забыли напрочь. Когда Марина пришла в себя, она увидела перед собой дорогих её сердцу людей, которые не отходили от неё ни на секунду. Правда, Вите пришлось умыть лицо, чтобы не испугать маму снова, когда она придёт в себя. Павел выжимал полотенце, а когда Марина открыла глаза, то уронил его на пол и упал на колени перед кроватью супруги.

– Милая, тебе лучше?

– Д...да..., Паш, где Витька? – чуть слышно прошептала

она.

– Мам, я здесь, – ответил смущённо Витя, – прости меня, мамочка...

– Я прощу тебя, если ты мне объяснишь всё сейчас же! – Марина с закрытыми глазами кивала головой монотонно, в такт своим словам.

«Без наказания не обойтись», – подумал Витя.

– Мам, это маленький волчонок, он умирал. Мамочка, я подумал, что его можно было спасти, – дрожащим голосом скороговоркой протараторил Витя.

– Волчо... о, боже! Да что же это такое делается. Ну, скажи ты мне, почему именно ты, только ты попадаешь в подобные истории?

Марина откинулась на подушку с закрытыми глазами и о чём-то задумалась. Павел смотрел на жену и шевелил усами. Витя заметил чуть прищуренные глаза отца и понял, что, возможно, наказания можно будет избежать.

– Милая, можно тебя спросить? – осторожно промолвил Павел, стараясь заполнить немую пустоту в комнате и разбавить напряжение. Марина глубоко вздохнула и ответила:

– Да, конечно...

– Марин, я не очень-то разбираюсь в раненых животных, но ты лежи, не вставай, пожалуйста, – с оттенком вины в голосе сказал Павел. – Он ранен, похоже, в него стреляли, но его ещё можно...

Марина не дала договорить мужу, она убрала его руку со

своего плеча и поднялась с кровати.

– Где он?

– Милая, ты была без сознания, я его пока положил на Витькин свитер возле порога.

Марина уже и сама нашла лесного незнакомца, который поскуливал, лёжа на правом боку.

– Витя, убери всё со стола тут, на веранде. Паш, принеси настольную лампу. Я принесу простынь, да, ещё нужна вода и...

Марина посмотрела на щенка и снова прислонила ладонь ко рту. Она всегда так делала, когда ей было страшно.

– ...садовые ножницы, – закончила фразу Марина и пошатнулась. Павел через её плечо глянул вниз и понял, о чём шла речь. Левое ухо волчонка, разорванное в клочья, держалось лишь на хрящике. Кровь уже не текла и засохла на ране.

Через несколько минут ночной гость лежал на белой простыне и смотрел на Марину, потом на Павла, потом на Витю и тихо поскуливал.

– Паш, подвинь его к краю стола так, чтобы вода лилась на пол, – скомандовала Марина. – Витя, бери кружку и лей воду туда, куда я тебе буду показывать. Паша, не урони его.

Витя черпал холодную воду и лил на рваную рану под ухом и на лопатке, а Марина тампоном промывала засохшие места, пока не удалила всё лишнее. Вскоре весь пол вокруг стола был усыпан комками грязной ваты.

Щенок был чистым, теперь все раны были видны: часть

кожи на голове возле уха сорвало дробью, ниже уха возле щеки была рваная рана. Порвана кожа на лопатке и на части шеи ближе к позвоночнику. Но самое пугающее было впереди. Марина приняла решение – часть уха придётся удалить. Пришить его животному не представлялось возможным, на это было много причин. Во-первых, этим должен заниматься опытный ветеринар, во-вторых, это волк! Как только доктор увидит зверя, он будет обязан доложить в соответствующие инстанции, а значит, его усыпят. Да и щенок сам сорвёт швы, если только ему не связать лапы. Но самая главная причина перекрывала все остальные – висящие лоскуты были уже давно отмершими, поэтому не смогли бы прижиться.

– Паш, подай ножницы..., – дрожащим голосом сказала Марина. Муж потянулся было за секатором, но одного взгляда на жену ему хватило, чтобы одёрнуть руку. Её губы дрожали, нервы уже были на пределе.

Поразительно, как такая хрупкая женщина, никогда раньше не сталкивавшаяся с кровью, всё это выносит. Павел невольно вспомнил, как частенько она приходила из своей библиотеки заплаканная, падала на подушку лицом и лежала так допоздна. Причиной этому могла послужить просто разорванная книга, которую вернул какой-то нерадивый сорванец. А тут такое... Павел притянул жену к себе и прижал её голову к груди, нежно поглаживая её темные длинные волосы.

– Ничего, родная.... Успокойся, хватит с тебя. Я сам, –

успокоил он Марину, – ты отвернись на секунду. Вить, придержи его за лапы и закрой глаза.

Щёлк. словно маленькая веточка попала под секатор, чуть дёрнулся волчонок и – тишина. Немного погодя все выдохнули с облегчением. Маленький зверь полностью доверил свою жизнь этим людям, поэтому расслабился и закрыл глаза. Сегодня его уже ничего не беспокоило. Он знал, что у него будет «завтра» если звери могут знать наперед.

Марина обработала чистые раны перекисью водорода и замотала бинтами. За дверью жалобно скулил Марти, словно просился на ночлег. Его так и не привязали с тех пор, как началась вечерняя суета с поисками Вити.

Павел бросил на пол свой старый овчинный полушубок, аккуратно положил на него волчонка и открыл дверь на улицу. Марти, словно спрашивая разрешения, посмотрел на хозяев, потихоньку поскуливая.

– Ну что, друг ты мой седой, заходи, – предложил Павел, – посмотри на нашего лесного соседа, да смотри не обижай.

Марти не заставил долго себя ждать, прыгнул через порог и тихо подошел к спящему волчонку, замотанному в бинты. Не дойдя пары шагов, он лёг на живот и вытянул лапы вперед. Медленно, почти незаметно, Марти подполз к полушубку, с жалостью глядя на беднягу. Пёс всё понимал, его глаза и брови стали похожи на домики, он положил голову на вытянутые лапы волчонка и лежал так до самого утра, охраняя покой забинтованного малыша.

В тот день, когда происходили эти события, Фёдор пил. С самого обеда он заливал в себя стакан за стаканом. Какой-то зверёк грыз его изнутри много лет, днём и ночью. От него не было спасения, никакие попытки изменить своё душевное состояние не давали желаемого результата. Женившись, он сделал себе только хуже, а когда родился Стенька, то он с радостью разбил бы себе голову, лишь бы не ощущать себя в этом мире, никаким, никак. Он не ощущал себя представителем ведомственной структуры, он даже не ощущал себя ничтожеством, которое было выплюнуто этим обществом, в котором ему суждено жить, вернее – ворочаться. В нём было зло, он его чувствовал каждой частицей своего тела. Его нельзя было сбросить, смыть водой или просто игнорировать – оно было внутри, в голове, в самой кости и оно росло.

Он часто вспоминал смерть отца, вернее, тот всегда стоял перед его глазами. Тогда он тоже сгорел, его нутро тлело, пока не довело до петли. Фёдор много раз отправлял свои мысли назад, в то время, когда отец был ещё жив. Он часто бил его мать, но так было не всегда. Ещё будучи ребёнком, сразу после похорон он сидел с матерью в обнимку и разговаривал с ней. Она обмолвилась тогда, что Иван стал другим после рождения Фёдора, его как будто подменили. Рыжеволосый мальчик так и не стал для него отрадой, радостью в жиз-

ни. Сам он был темноволосым, Зоя – русая, рыжий ребёнок не мог быть от него. Никакие объяснения не смогли успокоить раненую душу отца. У Зои дед был рыжий, не должно быть слишком странным рождение рыжего ребёнка, выпавшее на третье поколение. Но как это объяснить в посёлке? Иван чувствовал взгляды и улыбки за своей спиной, всеми порами кожи слышал шушуканье соседей. Тогда он тоже искал утешение в бутылке, но так его и не нашёл.

Фёдор смотрел в одну точку. Убить зверька внутри себя он не мог, жить с ним ему становилось невмоготу, но о повторении отцовского шага он не думал никогда. Нет, он не такой, нужно найти другой выход. Просто нужно жить с этим существом и подкармливать, периодически подкидывая жертвы. А мяса вокруг достаточно. Фёдор грохнул пухлым кулаком по столу, звякнули вилки, пошатнулись бутылки со стаканом, две пустые бутылки покатались и упали на пол.

– Не дождётесь, твари! – прошипел он сквозь зубы, продолжая смотреть в одну точку. Его не брала водка, он никогда не пьянел. Голова гудела и разрывалась на части, но он всегда оставался трезвым. Это было его участью, с этим он жил. Краем глаза он заметил Стеньку, заглядывающего в окошко веранды. Тот боялся заходить, чтобы не попасть под горячую руку отца, но и умолчать о своём прибытии он не мог. Солнце давно село, позднее возвращение могло послужить поводом для наказания.

– Поди сюда! – первым начал разговор Фёдор.

Стенька робко открыл дверь и зашёл в веранду, стараясь смотреть в сторону. Однако это не помешало Фёдору заметить фиолетовый синяк под левым глазом и грязный свитер.

– Ну и что всё это значит – с угрозой в голосе спросил он у Стеньки.

– Ну..., это, – пробурчал мальчишка, глядя в пол.

– Чётче, я тебя сто раз предупреждал, говори чётче! – набирал обороты отец.

– Там..., за ручьём..., я Митяю показать хотел, а он...

– Кто он? – прервал его Фёдор.

– Витька Савушкин, козёл..., хныкал Стенька, размазывая сопли под носом.

– Говори быстрее, я устал смотреть на твою мерзкую рожу! – уже кричал Фёдор, опёршись кулаками в край стола и приподнимаясь с лавки.

– Он...хм...хм...он волчонка живого там нашёл...хм...хм..., – бормотал, шмыгая носом Стенька.

– Тааак..., – протянул отец и опустился обратно на лавку, снова уставившись в одну точку. – Дерьмовые патроны!

– Я пытался прикончить детёныша, но эти два ботана напали на меня с двух сторон, – воспользовался моментом Стенька и протараторил свою нехитрую версию.

– Он до сих пор жив? – прокричал отец, снова вперив злобный взгляд в сына.

– Н...не знаю, сдох, наверное. Он в...весь в крови был..., – чуть не шёпотом ответил Стенька, мечтая спрятать-

ся от гнева отца.

– Значит, жив! И я догадываюсь, где он может быть, – задумчиво и с расстановкой слов произнёс Фёдор. – Ну, что-ж, как бы тебе не пришлось пожалеть об этом, а уж об этом я позабочусь.

Стенька не знал, к кому относились последние слова отца, но почему-то понял, что не к нему, поэтому позволил себе расслабить колени и немного опустить плечи.

– Слушай сюда, – вспомнил про Стеньку отец, – твоя задача – узнать про этого волчонка, где он. Можешь вынюхивать под заборами, можешь спрашивать у своих ботанов, если не боишься снова быть побитым, но через два дня мне нужен ответ. А я пойду утром на ручей и посмотрю там, что к чему. А теперь оставь меня, иди спать. Я думать буду.

Фёдор налил себе полный стакан водки, взял его двумя пальцами и снова уставился в угол. На этот раз в его взгляде был какой-то огонёк, который не обещал ничего хорошего его врагам, расплотившимся вокруг.

-16-

Витя заболел. Вчерашние события не могли закончиться без последствий. Холодная вода Заячьего ручья вступила в борьбу с организмом ребёнка и вышла победителем. Жар вступил в свои права, сковал детское тело и надолго уложил в постель. Всю ночь Витя бредил, испарина на лбу выступа-

ла сразу же, как только Марина промачивала её. Это была тяжёлая ночь, которую нужно было переждать, дальше будет легче. Марина знала это, поэтому решила эту ночь не спать, а нести дежурство возле постели сына.

Что творилось в голове Вити, никто не смог бы объяснить. Фиолетовые круги сменялись красными квадратами, которые пронизывала радуга, искрящаяся от дождя. С неё стекал бурный ручей, в нём Витя нёсся на маленькой лодке без вёсел. Вдалеке стояла волчица и разговаривала с белым слонёнком о чём-то, а на голове у него был венок из цветов. И вдруг волчица со слонёнком исчезли, а вместо них появились большие ворота, украшенные разноцветными шарами и колокольчиками. Поток нёс Витю прямо к этим воротам, они открылись под весёлый звон и поток понёс его дальше, к яркому солнечному свету. Глаза стало резать и захотелось их прищурить, но он никак не мог с ними справиться.

Витя открыл глаза и в полумраке комнаты увидел маму, улыбнулся ей чуть заметной улыбкой и снова закрыл. Жар спал, когда небо уже начинало светлеть. Марина благодарила бога за его снисхождение к сыну, положила руки на стол и уронила на них голову. Опасность миновала, наступило утро следующего дня, первого летнего дня 2000 года.

Павел решил выйти из дома немного пораньше, чтобы заскочить к соседке Оле и вызвать врача на дом. Ближайший телефон был только у неё. Доктор пришёл ближе к полудню, это была женщина, худая и высокая. Её слегка седые волосы

были стянуты в тугой узел, отчего глаза немного растянулись к вискам.

– Обычное переохлаждение. Стоило ли гонять врача? – проворчала женщина.

– Я просто испугалась, он бредил всю ночь, высокая температура, жар. А вдруг воспаление? – с дрожью в голосе сказала Марина.

Женщина послушала дыхание мальчика и вынесла такой вердикт.

– Воспаления нет, но небольшой бронхит возможен. Горло красное. Полоскать горло, много пить, постельный режим неделю. И... вот что – я попрошу Клавдию Ивановну, она живёт недалеко, чтобы она зашла к вам вечером. Хоть она и не детский врач, но посмотрит мальчика, чтобы всё было хорошо.

Марина вспомнила неприятности, которые причинил их семье муж Клавдии Ивановны, но решила промолчать. Будь что будет, ребёнок не виноват в разногласиях между взрослыми. Закрыв за доктором двери, она подошла к волчонку и опустилась перед ним на коленки. Тот лежал, положив мордашку на лапы и поглядывая на Марину.

– Привет, зверь лесной. Ну и устроили вы мне весёлую жизнь, просто госпиталь какой-то.

Щенок с пониманием смотрел на женщину и поскуливал.

– Голодный, знаю. Чем же тебя кормить? Что вы там едите, в своём лесу? Зайцев у меня нет, давай попробуем моло-

ко?

Марина налила в блюдце немного молока и накидала в него кусочки хлеба, но волчонок даже не попробовал предложенное угощение. Он повёл своим мокрым носом поверх миски и снова положил мордашку на лапы.

– Давай начнём с воды, хорошо?– пыталась хоть как-то успокоиться Марина, разговаривая со зверем. Она поставила перед ним ещё одно блюдце, и случилось чудо. Он приподнялся на трясущихся лапах и принялся лакать воду. Марина выдохнула с облегчением и подлила ещё воды.

– Сколько же тебе, несколько недель, наверное?

Ей казалось, что диалог со щенком поможет ему привыкнуть к человеку. Теперь, при свете дня можно было разглядеть некоторые особенности, которые не были видны в темноте. Оказалось, что глаза у волчонка не полностью чёрные. Когда зрачки сузились, то показалась голубая радужка удивительной чистоты, а шерсть чёрная, не как у большинства волков. Марина протянула руку и погладила малыша – под чёрной шерстью скрывался серый подшерсток. Волчонок немного встrepенулся от прикосновения к нему, но тут же успокоился и лизнул Марине руку.

– Ну, раз мы с тобой подружились, то давай с тобой что-нибудь перекусим.

Открытый холодильник не дал ей подсказки. «Творог, сметану, молоко он не станет есть», – подумала она, – «сосиски... ммм... думаю, тоже не то. А что, если дать ему немного

фаршу?»

Марина положила мешочек с фаршем под воду, чтобы тот немного оттаял.

Витя устал лежать в постели и вышел на веранду к маме.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, приложив руку к Витиному лбу.

– Хорошо, мам, – виновато смотрел из под бровей сын.

– Закутайся в одеяло и садись, сейчас будешь чай с малиной пить у меня!

Витя не любил малиновое варенье, но не стал возражать маме и покорно сел на стул. Марина поставила перед ним огромную чашку чая и тарелку со вчерашними пирожками.

– Давай, ешь и поправляйся. Нам ещё с тобой нужно решить вопрос с твоим лесным зверем.

Витя посмотрел на пол и засмеялся, но тут же осёкся и потрогал себя за нос, который немного распух на переносице.

– Мам, а мы можем его оставить себе, когда он поправится?

– Я думаю, что это плохая идея. Он вырастет и станет настоящим зверем, которому нужна воля. Если он задержится у людей, то не сможет охотиться и жить на воле, он просто погибнет.

– Извини, мам, я не знал этого, – грустно промолвил Витя.

– Я думаю, что он скоро поправится, а впереди целое лето. Он ещё найдёт себе семью на воле. Пей чай, остынет.

Марина вытащила из-под воды мешочек с фаршем и от-

ломила маленький кусочек. Размяв рукой, она положила его на блюдце, где была вода, и придвинула ближе к мордочке волчонка. Тот понюхал угощение, лизнул и съел, к великой радости Марины.

– Уфф...какой молодец. Давай, кушай, да я тебя перемо-
таю.

Послышалось ворчание Марти во дворе, кто-то открыл калитку и шёл к крылечку. Марина отодвинула шторку и приняла равнодушный вид.

– Вот и доктор по вашу душу пришёл...

Клавдия Ивановна скромно постучала в дверь и приоткрыла её.

– Добрый день, или даже вечер, – вежливо поздоровалась она. – Мне передали, что Витя болен. Ты, Марин, не серчай, что я решила к вам зайти.

– Что ты, Клавдия! Очень хорошо, что зашла, – постаралась разрядить ситуацию Марина. – Может быть, чаю?

– Нет, спасибо, Марин. Глянем Витю по-быстрому, да я побегу, – затараторила Клавдия Ивановна.

– Ну что, где же ты так простыл, да ещё и летом? – спросила она, рассматривая горло и слушая дыхание мальчишки. Не дождавшись ответа, который её и так мало интересовал, она заметила перевязанного волчонка.

– Ой, у вас тут щеночек поранился? Как же он так умудрился? Вы вторую собаку решили завести?

– Это..., – хотел было объяснить Витя, что это вовсе не

собака, но мама резко прервала сына.

– Ничего, подлечим.

– Ну ладно, я побегу. Всего хорошего, Марина. Витя, поправляйся.

Клавдия Ивановна вышла и затворила за собой дверь. Марина с облегчением вздохнула и тихо сказала:

– Не будем пока никому говорить про волчонка. Пусть выздоравливает.

-17-

Стенька целый день отирался возле забора Савушкиных, заглядывая в щели между досками, даже бросал камни в огород, но так ничего и не смог выяснить. Только Марти не находил себе места – он то ворчал в будке, то срывался в затаенный лай, поднимая тревогу на весь посёлок. Марина несколько раз выходила на крыльцо, даже подходила к калитке, но так ничего и не заметила.

Стенька боялся не выполнить требование отца. Он должен узнать, что произошло на ручье, когда он с Митяем ушёл оттуда, получив синяк под глазом. Но как это сделать, он так и не смог придумать. Караулить возле дома Савушкиных в проулке на виду у всех соседей он больше не мог. Эту приметную рыжую голову знали все в округе и примечали её издалека. Ни о какой конспирации не могло быть и речи.

Шёл уже второй день, отец давал на всё Стеньке два дня.

Мальчишка понял, что ремня ему всё равно не избежать, поэтому в отчаянии он опустил голову и побрёл вдоль чужих калиток. Однажды открылась калитка напротив и оттуда показалась бабка Марья, соседка Савушкиных.

– Стенька, ты чего тут околачиваешься второй день? К Витьке, что-ли?

– Ну..., буркнул под нос Стенька.

– Так болеет он, я слыхала, врач к ним приходит. Так что нечего тут околачиваться, собак всех растревожил, – ворчливо запричитала бабка Марья. – Давай, проваливай отсюда!

Вдоль дороги важно вышагивали два гуся. Стенька попробовал было пнуть одного из них, но тот увернулся и так громко гаркнул на него, что мальчишка прибавил шагу и пошел, не оборачиваясь, по дороге, но не в ту сторону, откуда пришёл, а в другую – к калитке Маслика. И тут ему в голову пришла мысль: «А что, если этот трус Володька что-то знает? Он ведь Витькин друг, как-никак?» Перед Стенькой мелькнул лучик надежды, что он всё-таки избежит ремня, но тут же погас. Володька всегда избегал встреч с ним, они никогда не предвещали ничего хорошего. Захочет ли он разговаривать в нем сейчас? Это вряд ли, но что же делать? Последняя ниточка обрывалась, ведь он даже прижать его к стенке не сможет, Володька струсит выйти из дома.

Так он дошёл до конца проулка и повернул направо, на главную улицу, соединяющую все проулки и закоулки в посёлке, как основание гребешка объединяет все свои иглоч-

ки. Навстречу ему на велосипеде проехала одноклассница Женя, даже не глянув на Стеньку. Она даже специально отвернулась в другую сторону, тем самым дав понять мальчишке, что не знает его и знать не хочет. Но какая-то искорка, какой-то укол иголкой заставил Стеньку резко повернуться вслед уезжающему велосипеду и крикнуть Жене:

– А ты знаешь, что Витька Савушкин заболел? Ему доктора вызывали!

После этого, не дожидаясь результата своего внезапного выпада, он отправился дальше по дороге. Митяй, пожалуй, единственный человек, который может его поддержать и выслушать. Хотя в отношении него у Стеньки сложилось мнение, что его товарищ – слюнтяй ещё тот.

Через пять минут он уже кричал Митяя через забор. Времени оставалось всё меньше, медлить уже нельзя. Наконец, товарищ вышел за калитку, почесал затылок и лениво спросил:

– Чего орёшь?

Медлительность и нерасторопность Митяя раздражала Стеньку. Длинный и худой, с чёрными волосами, подстриженный «под канадку», он был похож на вампира, который только что вылез из своего гроба. Тёмные круги под глазами дополняли этот и так мрачный портрет.

– Дело есть, пойдём, – самоуверенно сказал Стенька и повернулся было идти. Он был уверен, что Митяй, как послушная овечка, двинется за ним в любом направлении, куда ему

укажут, но слова Митяя просто ошарашили его.

– Оно мне надо? – зевая спросил он.

Стенька встал, как вкопанный, не ожидая такого наглого заявления своего товарища.

– Ты чего, мы же вместе, – растерялся Стенька. Его щёки начали розоветь, но не от злости, скорее – от страха потерять единственного друга. Он не понимал, почему происходят такие изменения в их отношениях.

– Мы вместе... что? – вяло протянул Митяй, – деремса с одноклассниками? Я не хочу больше участвовать в этом. Со мной в классе никто не разговаривает, потому что ты – мой друг.

Стенька багровел, ему вдруг стало страшно. В эту минуту он мог остаться совсем один, потеряв единственного друга. Ещё не до конца осознав всё это, он уже чувствовал, как что-то внутри накачивает и давит, выступает на щеках и шее.

– Митяй... – потупив взгляд сказал Стенька и выдержал небольшую паузу. – Меня отец сегодня изобьёт, нужна твоя помощь. Мне больше некого просить, слышишь, Мить?

– Ладно, выкладывай, что там у тебя?

Митяй повернулся к товарищу, его сонный вид вдруг куда-то улетучился. Что-то изменилось, но сразу определить – что, он пока не мог. Он посмотрел на Стеньку как-то по-другому, теперь ему делать это было намного проще, чем раньше. Он уже не считал себя «номером два», Стенькиным хвостиком. Он стал ему равным, если даже не выше, но какое-то

чувство вины за это обдало Митю лёгким ветерком.

– Отец дал мне два дня, чтобы я выяснил, что произошло там, на ручье после нашего с тобой ухода...

– Ну и что там могло произойти? – в недоумении спросил Митяй. – Один получил сполна, а второй в штаны наделал и сбежал.

– Мить, попробуй узнать у этого ботана Володьки, он может знать, ты же понимаешь – к Витьке мне нельзя сунуться. Тот щенок был живой, мне отец шею чуть не свернул, когда узнал, что я так его и не прикончил.

– Можно попробовать, конечно, но почему ты сам не спросишь? – поинтересовался Митяй

– Он боится меня и никогда не выйдет ко мне из дома, – с некоторым раздражением ответил Стенька. – Его отец, если узнает, что сынок общался со мной, убьёт его.

– Это почему же? – поинтересовался Митяй.

– Какая-то давняя история, батя мой вот тут держит его отца, – он поднял перед носом Митяя кулак и потряс им. Митяй взял руку друга за запястье и отодвинул от своего лица.

– Пошли, пока я не передумал.

Ребята направились к дому Маслика. На этот раз Митяй шёл впереди, а Стенька плёлся сзади, с трудом поспевая за товарищем. Час расплаты был уже близок, красный диск солнца коснулся крыш домов, растянувшихся до самого горизонта.

Ближе к вечеру у Вити снова поднялась температура. Марина была к этому готова, так всегда бывает в конце дня – организм ведет свою борьбу с болезнью до вечера, а потом недуг пытается отвоевать утраченные за день позиции. Она позволила сыну немного постоять на крылечке и встретить отца с работы, закутав его в одеяло. От этого Витя выглядел немного нелепо, он был похож на снеговика, который сохранился до самого лета и не растаял.

Отца пока не было, он снова задерживался, но вместо него Вите представилось удивительное зрелище. Над воротами в лучах заходящего солнца появилось лицо Жени. «Нет, этого не может быть!» – подумал Витя. «Так не бывает. Нет, только не со мной». Нежное и дорогое ему лицо улыбалось, над большими глазами ровной чертой лежала русая чёлка. «Нет, это не может быть Женя, ведь у неё другая причёска», – продолжал рассуждать Витя в своём костюме снеговика, – «да и что бы она тут делала, мы с ней даже не разговаривали никогда раньше»

– Привет, Вить! – сказала улыбающееся милое взору лицо.

Витя понял, что это не сон и не бред. До него, наконец, дошло, что это реальная Женя, и он видит её не в школе, не у доски, а около своей калитки! Он представил свой смешной вид и покраснел.

– П...привет, Женя..., – прошептал он, на всякий случай потрогав свой лоб и протерев глаза. Но лицо не исчезло.

– Мне сказали, что ты заболел? – продолжал петь нежный голос ангела.

Витя таял, ему вдруг захотелось растаять полностью и исчезнуть, только не отвечать на вопросы. Он забыл все слова и не мог составить в голове самой простой фразы. Он просто кивнул, за это он ненавидел сам себя в эту минуту. «Сейчас она уйдет и никогда больше не заговорит со мной!» – мысли сдвинулись с места в Витиной голове, помогая ему вспомнить хоть какие-нибудь слова.

– Т...ты такая высокая, Женя? – еле слышно выдавил он.

– Прс...с...Ха...ха..., – не удержалась Женя и рассмеялась, – я на велосипеде, стою на педалях, поэтому тебе так показалось.

Витя немного успокоился и составил ещё несколько слов в фразу.

– Ты живёшь на другом конце посёлка, так далеко...

– Ничего, на велосипеде – пять минут, – сказала Женя, сделав серьёзное лицо. – Что говорят врачи? Когда поправишься?

– Лежать неделю, а так – я почти здоров! – с воодушевлением ответил Витя. Жар возвращался, он чувствовал это, хотя, он не смог бы сейчас отличить его от ледяного холода. Не вправе оторвать глаза от прекрасного видения над досками забора, он собрался с мыслями и спросил:

– А как твои дела, Женя?

– У меня всё хорошо, только скучно немного. Ты не против, если я и завтра приеду? – ласково спросила Женя.

– Н...нет, к...конечно, приезжай..., если тебе не сложно, – ответил, заикаясь, Витя. Он не мог поверить, что всё это происходит с ним.

Женя махнула рукой, ещё раз подарила улыбку, о которой он мечтал весь учебный год, и уехала. Витя на ватных ногах зашёл в дом и подошёл к маме, готовый к приёму чая с малиной.

– С кем это ты там разговаривал? – шутливым тоном спросила Марина, снимая почти мокрое одеяло с сына.

– Мама..., – словно во сне, который не собирался заканчиваться, проговорил Витя, – это Женя Богданова...

Марина стояла спиной к Вите и готовила чай, но даже не видя её лица можно было понять, что она улыбается.

А в это время Стенька с Митяем стояли возле калитки Володьки Маслика и думали, как же им выманить его из дома. Митя взял эту заботу на себя и крикнул через забор:

– Вовкааа!

Володя сидел дома один. Клавдия Ивановна ещё не вернулась с работы, а Козьма часто оставался в центре с ночёвкой, если подворачивалась какая-нибудь халтурка. Вовка отодвинул шторку, но тут же пожалел, что сделал это: он встретился взглядом с Митяем, теперь прятаться не было никакого смысла. Отворив дверь, он через узкую щелку спросил у

Митьки, что тот хотел от него.

– Выйди на минутку, только спрошу кое-что, – спокойно сказал Митяй, стараясь быть воплощением самого душевного человека на свете.

Вовка не решился сразу выйти, он надеялся, что вот-вот появится мама и спугнёт гостя, но она вернётся только через пару часов. Рассчитывать на появление отца вообще не приходилось, поэтому он принял решение, для которого ему пришлось собрать всё мужество, оставшееся в нём в столь малом количестве. Он зашёл домой, закрыл за собой дверь на засов и принялся долго и тщательно одеваться. Наконец, он вышел наружу и сделал несколько шагов в сторону калитки, что он не решался делать в последние два дня, и остановился.

– Ну, говори, – пробормотал Володька, пиная пучок травы возле тротуара.

– Не совсем удобно так разговаривать, ты выйди сюда, – очень вежливо попросил Митяй. Вовка понял, что всё-таки придётся выйти. Он открыл калитку и сделал шаг навстречу Митяю, но тот резко отошёл в сторону, а вместо него перед ним оказался этот пугающий, противный Стенька. Володя хотел забежать обратно, но Митяй прикрыл калитку и встал перед ней., перекрыв дорогу к отступлению.

– Стень...? – пробубнил Володька. – А ты тоже тут?

– Как видишь! – слегка красноватые щёки дали понять Вовке, что это действительно, правда.

– Что вам надо от меня? – слегка дрожащим голосом спросил он.

– Ты должен знать, что случилось тогда, на ручье!

– Но я ушёл оттуда раньше вас, – оправдывался Володя.

– Ха...Ха! Или убежал? – вставил язвительную реплику Митяй.

– Ну...меня дома ждали, и ничего я не убежал...

– Короче, что ты знаешь о выжившем волчонке? – не выдержал Стенька и задал вопрос, который его интересовал в первую очередь.

– Я ничего не слышал ни о каком волчонке, я даже из дома не выходил, – с тревогой в голосе сказал Володя.

– Ты таскаешься с Витькой везде и не знаешь ничего? – с нарастающим гневом, уже шипя сквозь зубы, проговорил Стенька.

– Я не видел его с тех пор, правда...слышал, что он болеет. Мамка к нему вчера вечером заходила, сказала, что он простыл сильно..., – оправдывался, как мог, Володька.

– Что-нибудь ещё говорила? – не унимался с расспросами Стенька.

– Ничего, разве что, собаку они ещё одну завели, вроде...Щенок раненый почему-то, забинтованный...больше ничего. А, да – ещё у Витьки фингал и нос опух...

Стенька побледнел, медленно отвернулся от Володьки и процедил сквозь зубы:

– Да пошёл ты со своим фингалом, придурок!

– Ну, я пойду, а то мамка скоро придёт? – осторожно спросил Володя.

– Рискни, – буркнул Стенька, уже и сам сделавший несколько шагов по улице, напрочь забыв про Митяя. Он всерьёз задумался о том, что было бы неплохо сбежать из дома, но решил отложить побег на некоторое время. Почёсывая то место, куда ожидалось прикладывание ремня, он пошёл домой.

-19-

Стенька отворил коричневую, с облупившейся краской, калитку и зашёл в ограду. Поросший сорняками огород с изредка торчащими сухими дудками старых растений, узенькая тропинка к крыльцу, кривому и некрашеному, навевали тревогу и тоску. Стоящее посреди зарослей пугало с ржавым дырявым ведром вместо головы отпугивало своим видом не только ворон, которым и так незачем было залетать сюда. Даже кузнечики не прыгали тут, хотя опасности быть съеденными птицами никакой не было.

За углом дома, вдали от всех глаз, был разбит небольшой огородик в три грядки. Там Зоя Георгиевна выращивала немного моркови, свеклы и лука. На большее у неё не хватало сил, здоровье не радовало её в последнее время. Со смерти мужа она стала угасать, перестала улыбаться, а жизнь воспринимала, как божье наказание или что-то естественное,

обычное, но затянувшееся. Когда Фёдор женился на Полине, у Зои Георгиевны появилась хоть какая-то отрада среди серых нескончаемых будней, но продлилась радость недолго. Фёдор быстро остыл к Полине, стал её бить и напиваться. Потом родился Стенька – ещё один лучик надежды для Зои Георгиевны, но со смертью Полины и он угас.

Фёдор не подпускал свою мать к Стеньке, не позволял «распускать сопли». Мальчик тянулся к ласке, ждал доброго слова, похвалы, поддержки, но получал лишь злобный взгляд отца, а позже и град пощёчин. Кожа на лице ребёнка от постоянных ударов стала настолько чувствительной, что краснела по любой причине. Стыдно ли было или он злился на что-то – лицо его становилось красным, а позже совсем багровело.

Зоя Георгиевна пыталась защитить Стеньку от тирании Фёдора, но получала такой поток брани в свой адрес, что потом долго сидела в своём уголке за занавеской и боялась шевельнуться.

Шум точильного камня разрывал вечернюю тишину и вызывал у Стеньки озноб по всему телу. Фёдор был в сарайчике, пристроенном к крылечку дома, и точил топор. Пройти незамеченным у мальчишки не получилось, отец заметил его. Он всегда всё замечал, иногда было такое впечатление, что у него на затылке под рыжими волосами есть ещё одна пара глаз, которые постоянно вращаются в своих орбитах.

– Стой! – крикнул он сыну, одновременно выключив на-

ждак. Звук падающего самолёта от тормозившего точноного камня был ещё громче, чем несколько секунд назад.

Фёдор вышел из сарая, синяя форменная рубашка, закатанная выше локтей в рукавах, старые форменные штаны мрачно предстали перед Стенькой. Вот он, исполнитель закона, власть с топором в руке и мальчишка, готовый принять свою участь.

– Я слушаю, говори! Что ты знаешь? – медленно, как учитель, читающий диктант ученикам, спросил Фёдор.

– Я...я...

Стенька не мог выговорить ни слова. Его челюсть сковал страх, зубы стучали, а язык налился свинцом.

– Сколько раз я тебе говорил, не мямлить? – всё так же спокойно и с расстановкой задал вопрос Фёдор. Для Стеньки это был самый пугающий тон – лучше бы отец орал, брызгая слюной.

– В...в...вол...волченок у...у...Саввушкиных..., – выдохнул наконец Стенька, слёзы побежали по его раскалённым щекам, но их не было видно в вечернем мраке. Странно, что они не шипели, как капли воды на раскалённых углях.

Фёдор с силой воткнул топор в дверной косяк и посмотрел на него, словно собираясь с мыслями. Оцепенение длилось недолго, он тряхнул головой, оторвал взгляд от топора и принялся шарить рукой по стене сразу за дверным косяком сарая. Нашупав старую португепю, он подошёл к Стеньке и схватил его за предплечье. Словно тряпичную куклу он

потасил его в сарай, почти приподнимая над землёй. Мальчишка заскулил, безысходность победила. Он вдруг вспомнил, что хотел убежать, эта мысль была такой свежей, она родилась всего полчаса назад, хотя вынашивалась уже очень давно. Почему он не убежал! Почему он не сделал этого хотя бы минуту назад? Как бы он сейчас бежал, ах, как легко он рассекал бы ладонями встречный воздух. Пусть бы он позже умер с голоду, но сейчас, сию минуту, он бы не боялся так сильно, он был бы просто счастлив!

– Отпусти мальчика, Фёдор! – раздался позади резкий окрик. Он был настолько неожиданным, что Фёдор просто встал, как вкопанный, продолжая держать свою добычу за предплечье.

Мать Фёдора стояла в трёх шагах от сарая и держала ружьё, направив его на сына. Два чёрных отверстия смотрели ему прямо в живот.

– Отпусти ребёнка, или я тебе кишки вышибу, ублюдок, – тихо сказала женщина. Она была спокойна, потому что всё для себя решила. Жизнь больше не имела никакого смысла, она закончилась уже давно, когда повесился её муж, отец Фёдора. Она не могла винить сына за ту смерть, но в глубине души носила этот груз до этого дня, и вот сегодня больше не смогла его поднять – он стал слишком тяжёл для неё.

– Я только сегодня поняла, какой ты ублюдок, сынок, – продолжала она, сжимая ружьё, свою исповедь.

– Ты из-за какого-то выжившего волчонка готов приши-

бить сына. Твоя гордыня, твой гнев, чёрная душа не дают тебе покоя. Это нельзя исправить. Пусть я умру, но Стенька будет счастлив, без тебя!

Ружьё медленно клонилось дулом к земле, но Зоя Георгиевна приподняла его выше и продолжала.

– Твой отец умер, потому что родился ты, рыжая бестия! Он мог бы смириться с тем, что ты не похож на него, но его нутро чувствовало отвращение к тебе. Ты отвергал его и сам, вы были чужими. Это ты убил его, сволочь!

– Убери ружьё! – прошипел Фёдор, но женщина только крепче сжала его в руках.

– Ты и Полину убил! – с дрожью в голосе и с горькой обидой продолжала мать. – Она не смогла бы покончить с собой, потому что любила сына!

Она снова подняла опустившееся вниз дуло ружья. Фёдор молча слушал мать, продолжая держать Стеньку ниже плеча.

– Будь проклята моя жизнь! – с этими горькими словами Зоя Георгиевна нажала на спусковые крючки, но оглушительная тишина повисла над посёлком. Выстрела не последовало, ружьё было не заряжено.

Фёдор ещё несколько секунд смотрел на пару чёрных ноздрей ствола, потом посмотрел на мать. Она стояла босиком с распущенными до пояса седыми волосами и отсутствующим взглядом смотрела на ствол ружья. Фёдор отпустил Стеньку, который тут же упал на колени и на руки, пытаясь отползти в дальний угол сарая. Той же рукой, которой только

что держал сына, он схватился за ствол ружья и резко дёрнул на себя. Мать отпустила руки, её тело пошатнулось, ноги в коленях подогнулись, и она упала на землю. Фёдор, держа в одной руке ружьё, а в другой портупею, гордо возвышался над распростёртым телом матери.

-20-

«Скорая» прибыла через полчаса, медики успели спасти женщину. Её погрузили на носилки и поместили в машину. Когда серое пятно УАЗа скрылось за поворотом, Фёдор вернулся в дом и достал бутылку водки. Чувствовал ли он вину или испытывал угрызения совести – это вряд ли. Он выполнил то, что должен был сделать нормальный человек, но этот случай не вписывался в рамки «нормального». Он не взял бы трубку телефона и не набрал 0-3, если бы не вспомнил про Стеньку, наблюдающего за ним из-под верстака в дальнем углу сарая. Он бы оставил мать лежать тут до утра, чтобы наверняка, но ему пришлось поднять её на руки и отнести в дом. Положив её на кровать, он вернулся к сараю и подобрал ружьё.

– Иди в дом! – рявкнул Фёдор, но никто его не услышал. Сарай был пустым.

На следующее утро в посёлке узнали о случившемся. Клавдии Ивановне позвонили в сельскую поликлинику, чтобы уточнить подробности карты больной. Так стало извест-

но, что поздно вечером Зою Георгиевну доставили в больницу райцентра с инфарктом. Её удалось спасти только потому, что женщину будто судьба не отпускала на тот свет. По рассказам медиков, забравших женщину на «скорой», она всю дорогу до больницы держала медсестру за запястье и не отпускала до самой операционной. «Казалось, что она что-то не успела сделать», – говорили они.

Клавдия Ивановна позвонила Оле в магазин, а там уже и весь посёлок узнал о случившемся. Несмотря на то, что Зоя Георгиевна редко показывалась на людях, её помнили и любили многие. О событии узнал весь посёлок, но только причина трагедии так и осталась тайной, притаившейся за оградой Дементьевых.

Марина продолжала ухаживать за волчонком, делая ему перевязки. Кровотечение полностью прекратилось, все раны подсохли, и перевязку решено было прекратить.

– Поправляемся мы с тобой, чудо ты моё! – ласково сказала она, глядя волчонка по мягкому брюшку. – Скоро будем выходить во двор, засиделся ты тут.

Витя пил чай и качал ногой. Он рассказал отцу о случившемся ещё тогда, ночью, когда мама была без сознания. Он подробно описал всё, даже место за ручьём, куст ивы, где нашлись гильзы, мёртвую волчицу с волчатами. Только про драку и про разбитый бинокль Витя промолчал. Ему было стыдно перед отцом, поэтому он решил не сливать все беды в один котёл, а немного подождать. Марина посмотрела на

Витю и перестала чесать живот волчонку.

– Вить, тебе уже получше, как ты думаешь – можно ли тебя оставить завтра на полдня одного? – спросила она.

Витя знал, что мама не ходит на работу уже три дня. Она наклеила на дверь библиотеки записку, что идёт ремонт, а сама отпросилась в муниципалитете, сказав, что ребёнок заболел. Заменить её было некому, поэтому Марина не могла найти себе места, зная, что дети не могут взять книжки.

– Конечно, мама! – с гордостью в голосе ответил Витя. – Я уже большой и могу о себе позаботиться.

Слова сына готовы были вызвать смех у матери, но она сдержалась, при этом даже смогла сохранить серьёзный вид.

– Марти мы впустим в дом, ты никому не открывай дверь, приглядывай за малышом, – Марина указала на волчонка. – Ему уже лучше, смотри, чтобы у него была вода.

– Хорошо, мам, – покорно ответил Витя, допивая свой чай с малиной.

Когда он закончил обязательную чайную церемонию, то с облегчением вздохнул и спрыгнул со стула. Волчонок лежал на животе, мягкий полушубок щекотал ему нос, из-за чего тот постоянно тряс им налево и направо. Он ещё плохо понимал запахи, их было немного в его короткой жизни, но эти новые несколько его не тревожили. Запах Марти стал для него родным, как и запахи Марининых рук, Витино sweater, полушубка Павла и этой неизвестной овечки, которая была такая мягкая и нежная.

Силы возвращались в это хрупкое существо, несмотря на большую потерю крови. Об этом заявлял влажный нос и блестящие глаза с глубокой голубизной. Витя успел несколько раз перечитать странички в энциклопедии, подаренной ему в прошлом году, где написано про волков. У волчат могут быть голубые глаза, которые потом станут коричневыми, жёлтыми или оранжевыми. Но вот окраска шерсти действительно странная – чёрные волки встречаются редко, при этом они крупнее обычных серых волков.

– Я назову тебя Джек, можно? – спросил Витя, присев на корточки и взяв в ладошки мордочку волчонка. Так делал его отец, когда разговаривал с Марти, а тот был в восторге от такого внимания к себе.

– Мам, а можно я назову его Джеком? – спросил, обернувшись к маме, Витя, словно, внезапно вспомнив о ней.

– А почему бы и нет? – согласилась она, как ребёнок, затаив несбыточную надежду на то, что волчонок останется с ними навсегда. Но тут же её глаза стали грустными – она знала, что его придётся отпустить на волю.

Витя вышел на крылечко и сладко потянулся. Всё-таки, как хорошо болеть! Всё внимание к тебе, даже мама с тобой весь день. Это ничего, что малиновое варенье такое противное – ради этого можно и потерпеть. Его взгляд упал на скамейку возле баньки, и вдруг как будто его кто-то окатил из ведра холодной водой. Там лежал его разбитый бинокль, а рядом выстроились стёклышки, круглые и сверкающие на

солнце. У Вити перехватило дыхание, он не мог оторвать глаз от скамейки. Но как, когда, кто его принёс и положил сюда? Видел ли папа это и если нет, то что делать? А если видел, то что теперь ему сказать? Ему было стыдно признаться сразу, что ценный подарок разбит, а теперь, когда выяснится, что он умолчал – практически, обманул отца – ещё хуже.

Витя грустный зашёл домой и решил не предпринимать ничего, пока не придёт отец, а потом признаться во всём. Он сел за стол в своей комнате и медленно потянул на себя самую верхнюю книжку из стопки, выстроенной на углу стола.

– Тимур и его команда, – грустно прошептал Витя. «Как же стыдно перед папой...» В глазах сверкнули слезинки, которые высохли сами, спустя какое-то время.

– Я люблю тебя, папа... Я постараюсь быть лучше..., – прошептал он.

Так прошёл этот долгий день. Витя боялся вечера, но одновременно и ждал его с большим нетерпением. Наконец, радостное повизгивание Марти оборвало эту бесконечность. Павел открыл дверь и поцеловал в лоб Марину, встретившую его у порога.

– Ну что, герой? Как ты сегодня себя чувствуешь? Лучше? – отец просто колот Витю каждым произнесенным словом, будто иголкой.

– Пап, прости меня, что я не сказал сразу про бинокль. Я очень виноват, мне больше не надо подарков, никогда-никогда, – с грустью воскликнул Витя, но отец положил руку ему

на плечо и улыбнулся.

– Ладно, не переживай. Ты не виноват в этом, не до бинокля тогда было. Да и пусть он провалится сквозь землю, мы тебе ещё купим, – с радостью произнес Павел, глубоко тронутый признанием сына.

– Ты, наверное, хочешь узнать, как он здесь оказался? – спросил Павел. Витя чуть заметно кивнул головой. – Я на следующее утро после того случая вышел на работу пораньше и сходил на ручей. Было уже достаточно светло, я нашёл то место, про которое ты мне рассказал.

Павел выдержал небольшую паузу и посмотрел на Витю, будто оценивая на глазок его возраст. Сын поднял голову и с интересом слушал отца, хотя, что нового он мог там увидеть? «Странно, зачем он туда пошёл?» – мелькал вопрос в голове.

– Я взял тогда с собой лопату, чтобы похоронить зверей, если всё, что ты мне сказал тогда, совпадёт с действительностью.

Короткий взгляд на Витю. Испуганный взгляд на отца в ответ.

– Я похоронил их, Витя. А ты, герой, считай, что совершил поступок, достойный настоящего мужчины.

Павел обнимал за плечо Марину и сиял, сверля Витю глазами. Его усы не находили покоя, не в силах больше скрывать счастливую улыбку.

Стенька потихоньку вылез из под верстака в сарае, когда отец понёс Зою Георгиевну в дом. Теперь он решил твёрдо – бежать. Сделать это нужно сейчас, другого случая может не быть. Перешагнув через лежащее на земле ружьё, он пригнулся и побежал к калитке. Он смог сделать несколько глубоких вдохов, только когда оказался за забором на пустой улице. Он отчётливо слышал, как отец потребовал идти в дом, но уже не подчинился его словам. Когда подъехал серый УАЗик «скорой», Стенька стоял совсем рядом, в нескольких метрах, скрытый ночной темнотой. Он видел, как вынесли на носилках бабушку, как её погрузили в машину и как скрылись за поворотом красные сигнальные фонари.

Убежать из дома было не так сложно, как это можно представить себе поначалу. Дети бегут из домов часто, они сталкиваются друг с другом на выходе, выстраиваются в нескончаемый поток беглецов, вьющийся змейкой по дороге к последнему столбу на окраине посёлка. А там они стоят и галдят, перебивая друг друга, строя грандиозные планы. Такие взрослые и самостоятельные! Потом подъезжает большой жёлтый автобус, который увозит весь этот шумный рой в сказочный городок, где дети живут безмятежно, без всяких там родителей.

Стенька не ждал жёлтый автобус в Город безмятежности. Он сидел в канаве возле главной дороги, сжав колени и съевшись от холода, но это сейчас его волновало меньше все-

го. Он остался один! Совсем один на всём белом свете, без друзей, без мамы. Вот и бабушки у него больше нет. Но он ни секунды не думал о возможности вернуться к отцу. Замёрзнуть здесь, в канаве, было бы намного приятнее, если выбирать из двух бед одну.

Так он просидел несколько часов, в горьких раздумьях. Когда небо начало приобретать цвет, его глаза закрылись, и он уснул, склонив голову над коленями. Наступило утро среды, люди потянулись на комбинат. Пастух уже собрал всех коров и повёл их на поляну возле леса. Там они будут целый день жевать сочную траву, а потом пойдут к пруду и будут пить воду, долго, не торопясь, вдоволь... Собаки вступили в утренние переговоры, подавая первые голоса. Они как будто докладывали своему вожаку, собачьему начальнику: «Я поел!», «Я грызу кость!», «Мне несут суп!».

Стенька подождал, пока на дороге никого не осталось, и вылез из своей засады. Урчание в его животе напоминало ласкового кота, нежившегося под рукой хозяина. Последний раз этому коту доставалось перекусить только прошлым утром, поэтому урчание было достаточно громким и настойчивым. В памяти всплыли его вчерашние рассуждения о голодной смерти, которая его тогда совсем не пугала. Куда идти, он пока не мог решить. Убежать из дома совсем без подготовки, вот так – с пустыми руками, не входило в его планы, даже смутно очерченные какими-то набросками, иногда мелькавшими в его мыслях. Коробок спичек и ржавый

складной ножик – вот и всё его богатство. Старые ботинки на ногах, штаны от прошлогодней школьной формы да свитер, связанный бабушкой. Бабушка. Как же сейчас её не хватало Стеньке. Она была единственным человеком, которая любила его, заменив когда-то погибшую мать. Это она встала на его защиту перед разгневанным отцом, из-за него её увезли куда-то в ночь.

С такими тревожными мыслями он шёл по дороге, постоянно оборачиваясь и прыгивая в придорожную канаву, заросшую кустами. Он вспомнил слова, которые говорила бабушка, держа ружьё, но так и не смог понять их смысл. Отец виноват в смерти Стенькиного деда, виноват в смерти мамы... Как это может быть правдой? Он вдруг представил оскалившийся рот отца со слюной в уголке губ, от этого его передёрнуло, как от электрического разряда. Голод вызывал тошноту, которая сдавила горло, но облегчения не последовало – желудок был совсем пуст.

Впереди показался сельский магазин, в котором работала Ольга. До его открытия ещё два часа, поэтому небольшая вытоптанная площадка перед его входом была безлюдной. Стенька зашёл за угол магазина и присел на завалинке. Холодный бетон фундамента вызвал лишь страдания вместо отдыха. Он слез с него и присел на корточки. Его лицо вытянулось вниз от давивших на него несчастий, даже губы стали тоньше, чем раньше. Стенька не знал, зачем он тут сидит и чего ждёт, но и куда теперь идти, он не представлял.

С того места, где он спрятался, была видна вся дорога. Если бы вдруг появился отец, то Стенька смог бы быстро скрыться, оставаясь незамеченным. Время совсем остановилось, он ощущал каждую секунду, которая упруго и нехотя уходила в прошлое.

На дороге показалась Ольга, было уже почти девять утра. Она шла в широком белом сарафане, на согнутой в локте руке висела маленькая плетёная корзиночка, накрытая белым платочком. Новый день радовал её, как и все остальные дни, будь то дождливый понедельник или знойное воскресенье. Она любила свою работу, этот прилавок, своих покупателей. «Сто килограммов доброты» – так прозвали её местные жители, а любители появиться у прилавка «навеселе» называли её по-своему: «Сто кило справедливости». Были и другие любители остроумно высказываться, но всё сводилось к «ста килограммам». Оля не обижалась на них за это, у неё не было способности к этому.

Уже около магазина, поставив корзинку на ступеньку и гремя ключами, она заметила Стеньку, выглядывающего из-за угла.

– Стеня, а ты что тут делаешь? Бабушка за хлебом поди послала? Так ещё не привозили.

Тут она поняла – что-то случилось. Бледное лицо мальчишки, до этого обычно розовое, сразу бросалось в глаза.

– Стень, подойди поближе, пожалуйста.

Оля положила руку на затылок Стеньки и внимательно по-

смотрела на мальчика. Его измученный вид сильно обеспокоил её

– Отец? – просто спросила она Стеньку. Тот смотрел в землю и молчал, но Ольга всё и так понимала.

– Тётъ Оль, дадите попить? – робко спросил Стенька.

– Конечно! Заходи в подсобку, – распахнув дверь, сказала Ольга.

-22-

– Да ты голодный, давай я тебя покормлю, – предложила Ольга. – Господи, да что случилось-то такое?

Стенька набросился на предложенную ему котлету и проглотил её, почти не жуя.

– Бабушке стало плохо, она упала, – с набитым ртом пытался говорить Стенька. – Её в больницу увезли...

Ольга поняла, что ребёнок попал в сложную ситуацию, но как ему помочь? Что стряслось с Зоей Георгиевной? Ответов на эти вопросы не было. Вдруг зазвонил телефон, так внезапно и пронзительно, что Ольга вздрогнула и с тревогой взяла трубку.

– Оль, привет, – голос Клавдии Ивановны стал неожиданностью в столь раннее утро.

– Здравствуй, Клавдия. Что случилось?

– Сейчас звонили с районной больницы, Зою Георгиевну вчера вечером увезли с инфарктом, слышала?

– Инфаркт?.. Что же теперь будет...

– Просили информацию по истории болезни. Говорят, операцию сделали, пока очень слаба.

Оля положила трубку на аппарат и задумалась.

– Тётъ Оль, спасибо, пойду я, – сказал тихо Стенька, словно нехотя, встав со стула и направившись к двери.

– Стень, куда же ты пойдёшь? Посиди ещё, – с жалостью в голосе попросила Ольга.

– Дел много, боюсь не успеть, – сказал Стенька, стараясь делать голос грубее и ниже, почти как у взрослого.

– Жаль, а то сиди хоть весь день тут, в подсобке, ты мне нисколько не помешаешь.

Ольга подозревала, что Стеньке некуда пойти, поэтому любимыми способами пыталась оставить его рядом. Но тот взялся за ручку двери и приоткрыл её. С осторожностьюглянув на дорогу, он приготовился сделать шаг. Ольга видела беспокойство и растерянность мальчика, подошла к нему и взяла его за руку.

– Стень, скажи мне правду, что случилось? Ты боишься отца?

– Н-нет, чего мне его бояться?

Ольга почувствовала, что рука мальчика при упоминании об отце дрогнула. Она сжала её крепче и посмотрела в глаза Стеньке.

– Послушай, Стень. Я могу тебя спрятать на время, тебя никто не найдёт!

– Нет, тётъ Оль. Ни к чему это. Пойду я, спасибо за котлету.

– Подожди, Стень! У меня ещё булочка есть.

Она кинулась к столу и схватила корзиночку, но услышала скрип закрывающейся двери. Стенька ушёл. Может быть, мальчишка торопился, а может быть, он считал, что не имеет право пользоваться людской добротой после своего поведения – эта тайна так и осталась скрытой в душе Стеньки. Он снова побрёл по дороге, которая, минуя последние дома на окраине, потянулась вдоль засеянного поля. Чёрный ворон начал было скакать вдоль дорог ряда с шагающим Стенькой, глядя на него стеклянными глазами-бусинами, но вдруг сорвался с места и улетел.

Дорога манит людей, извиваясь загадочной лентой, уходящей к горизонту. Дальше она становится тонкой, как нить, пока совсем не исчезает в небе. Многие люди не могут найти себе покоя, пока однажды не встанут на дорогу и не сделают первые шаги туда, где она упирается в финишную черту. Как будто у дороги есть конец! Нет, она бесконечна, даже в точке соприкосновения с линией горизонта она не приблизит путника к концу его пути. Тысячи дорог, таких разных, соединены в одну причудливую паутину. Они разговаривают между собой, передают друг другу новости и заплутавших путешественников. Иногда эта паутина не хочет отпускать полюбившегося ей путника и заводит его в самую середину своего узора.

Стенька знал эту дорогу, он много раз по ней ездил с бабушкой в город. Вот и поворот на ближайшую деревеньку Лукино. Несколько обветшалых домиков – вот и все постройки, которые можно тут встретить. Местные жители давно покинули это место. Многие уехали в центр, а некоторые перебрались в посёлок Тулинский, поближе к комбинату.

На обочине дороги Стенька заметил небольшой камень и присел отдохнуть. Солнце начинало припекать, поэтому он снял кофту и завязал рукава на поясе. Со стороны деревни по заросшей травой узкой дороге шёл старичок. Он вёл на верёвке козу, которая топала впереди него, и сразу было не понятно, кто кого ведёт. Видно, коза уже привыкла к таким прогулкам и хорошо знала дорогу. Старичок поравнялся со Стенькой и остановился.

– Здоровьица тебе доброго, внучек, – проскрипел дедушка и поклонился Стеньке.

– Здравствуйте, дедушка.

В любой другой день он бы не стал отвечать какому-то старику, но сегодня всё было по-другому. Он даже был бы не против, если тот скажет ещё что-нибудь. Ах, да чего уж там – даже если побранит его за что-то, ну и пусть. Он хотел бы услышать вновь этот скрипучий голос, и старичок начал говорить.

– Когда-то я был таким же юным, как и ты, внучек. Кхе-кхе...

Он достал из кармана мешочек с махоркой и скрутил самокрутку, глядя из под мохнатых белых бровей на Стеньку.

– Ах ты, что-ж так... огня забыл из дома взять. Внучек, у тебя, случайно, нет коробка спичек?

Стенька вскинул удивлённый взгляд на старичка: «Откуда дед знает про спички в его кармане?»

– Вот, дедушка, возьмите.

Старичок прикурил самокрутку и отдал коробок обратно.

– Я уже давно живу на этом свете, внучек, кхе-кхе...

Коза дёргала жёсткую траву возле дороги, терпеливо жевала её и поглядывала на хозяина квадратными зрачками, как будто знала: «Хозяин тут не просто так». Старичок покряхтел ещё немного и продолжал говорить.

– Так вот, расскажу я тебе про то время, когда я был таким же юным, как ты...

Старичок опёрся на старую чёрную рогатину, служившую ему незаменимой помощницей в его годы. Он пошамкал губами, скрывающими беззубую челюсть, и продолжил.

– Давно это было, большевики были у власти только четыре года, жить было трудно. Мне было всего одиннадцать лет, как и тебе, внучек...

Стенька смотрел на старичка, как замороженный. Он уже не удивлялся тому, что дед знал о нём всё. Если бы он сейчас назвал его имя, то Стенька принял бы это спокойно. «Наверное, это колдун», – думал он. «Интересно, а это добрый колдун или злой? Наверное, злой, ведь колдунов добрых не

бывает. А может быть, это волшебник? А что, если он превратит меня в птичку, и я смогу полететь высоко-высоко и увидеть там маму...»

Старичок подождал, пока Стенька закончит свою мысль, как будто всё понимал. Он улыбнулся, пошамкал губами и продолжил свой рассказ.

– Жили мы под Оренбургом, время было голодное. Многие тогда умерли в нашей деревеньке. Я да бабка моя, больше никого у нас и не было. Когда хлеба почти не осталось, бабка перестала есть, но мне не сказала. Она всё совала и совала мне корочки старого хлеба, а я всё понимал. Я стал прятать эти кусочки в коробку из-под ниток, подальше от мышей. Через несколько дней бабка слегла от слабости. Я тоже ослабел к тому времени, но ещё держался на ногах. Я тогда достал из коробки засохший хлеб, понемногу размачивал его в солёной воде и давал бабушке, объясняя, что какие-то военные проезжали мимо их деревни и угостили его целой буханкой. Так мне удалось сохранить ей жизнь ещё на несколько дней, а потом в деревню прибыл обоз с едой.

Старичок замолчал, как будто вспоминая о чём-то. Стенька слушал с открытым ртом и не вытерпел:

– Дедушка, что же было дальше?

– Ну что дальше..., – старичок погладил козу по шее и продолжил. – Бабка поправилась, потом жить стало немного полегче. О моей тогдашней хитрости я не рассказал, так она и не узнала правду. Но вот ведь как вышло: бабка хотела,

чтобы я выжил, но пожертвовала собой. А я не ел, чтобы спасти её. Может быть, и не стоял бы я тут сегодня, если бы не накормил её тогда спрятанными сухарями.

Стенька отвернулся и вытер слезу.

– Дедушка, что же мне теперь делать?

Старичок покряхтел немного и снова улыбнулся. Коза ткнулась розовым носом в Стенькину ладошку, отчего тот улыбнулся и удивился сам себе. Это была не злобная ухмылка, которая обычно была всегда при нём. Нет! Он улыбался до боли в ямочках щёк, это было так неведомо и ново. Маленькие иголки кололи его лицо, но это было приятное покалывание, совсем не похожее на боль от ударов по щекам.

– Ты уже делаешь. Всё у тебя будет хорошо, внучек. Кхе-кхе...

Белоснежная коза посмотрела на Стеньку квадратными чёрными зрачками и лизнула его в ладошку.

Старичок пошёл обратно по дорожке к деревне, вскоре он вовсе исчез из виду. «Что это был за странный старичок?» – думал Стенька, широко раскрыв глаза и не понимая, что всё перед ним уже другое. Небо прекрасного голубого цвета, а облака такие мягкие и пушистые. Даже трава выглядит по-другому. Запах первых летних цветов просто дурманит. На коленку присела бабочка и пошевелила усиками. «Зачем старичок приходил сюда? Неужели он знал, что я тут сижу?» Теперь Стенька знал, что ему делать. Он должен увидеть бабушку, а потом – будь что будет. Твёрдым шагом он отпра-

вился в путь, сердце приятно жгло в груди. «И всё-таки это был волшебник. Спасибо тебе, дедушка!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.